

18+

Бауди Маггир

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ

Книга первая. Каролина

Бауди Маггир

**СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ
ТЕНЕЙ. Книга первая. Каролина**

«Издательские решения»

Маггир Б.

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ. Книга первая. Каролина /
Б. Маггир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511852-3

Книга рассказывает о сложной и полной ежеминутного риска работе сотрудников спецслужб, которые избрали своей целью не только бескорыстное и честное служение интересам своих государств и народов, но и сохранение мира и стабильности во всем мире. А в общем о приключениях, жизни и любви сотрудника английской разведки...

ISBN 978-5-00-511852-3

© Маггир Б.
© Издательские решения

Содержание

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ

Книга первая. Каролина

Бауди Маггир

© Бауди Маггир, 2020

ISBN 978-5-0051-1852-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-1853-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СООБЩЕСТВО ЖИВЫХ ТЕНЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

«Каролина»

В конце декабря Джейсон Коллинз, получивший недельный отпуск после блестящего выполнения очередного задания особого отдела секретной службы, отправился в свой уютный загородный дом. Здесь, в Базилдоне, в получасе езды от Лондона, вся его семья по традиции собиралась каждый год, чтобы отметить самый главный праздник – Рождество Христово.

Джейсон был крепко сложенным, стройным и подтянутым человеком тридцати семи лет, с красивыми ярко-голубыми глазами бирюзового оттенка. Аккуратно подстриженные тонкие усы и короткая прическа из волос каштанового цвета с небольшой сединой на висках придавали его внешности особый лоск и респектабельность.

Благодаря безупречному и точному исполнению особо важных заданий, порученных ему секретной службой Великобритании, а также беззаветной преданности

британской короне и своему народу, он довольно рано дослужился до чина полковника.

Этому немало способствовало прекрасное владение как родным английским, так и

немецким, французским и русским языками, а также знанием нескольких диалектов арабского языка, полученных им за время службы в арабских странах. Как офицер он получил огромный опыт ведения боевых действий в различных горячих точках, где так или иначе затрагивались интересы британской короны. Уже в звании полковника он был переведен из второго Управления секретной службы, ведавшего делами Ближнего Востока, в четвертое, где занимался в основном вопросами внутренней безопасности своей страны.

Неуклонный рост напряженности во всем мире из-за политических разногласий между государствами, усиления их откровенно враждебного противостояния друг с другом, а также участвовавшие случаи наглого проникновения разведслужб некоторых стран мира в кадровую систему «МИ-6» послужили поводом для создания в ее штаб-квартире особого отдела. О его существовании знали всего несколько человек из числа руководителей секретной службы. Отбор в эту глубоко законспирированную структуру проводился гораздо строже, чем для полета в космос, подвергая будущих кандидатов невероятно сложным тестам, пройти которых смогли лишь единицы. Биографические данные, статус и адрес каждого сотрудника отдела были полностью изменены, а истинная информация держалась в тайне даже от их коллег по службе.

Он попал в этот отдел с первого же дня его формирования и так же, как и остальные тридцать сотрудников, был безмерно счастлив и горд тем, что оказался в числе особо избранных. За время своей службы он был удостоен множества высших правительственных наград, которые бережно хранил дома и по известным причинам надевал исключительно во время закрытых церемоний и торжественных мероприятий для

узкого круга лиц. Но наиболее ценной своей наградой Джейсон считал посвящение его в рыцари самой королевой, которую бесконечно любила и боготворила вся его семья.

В знак особого уважения полковника его часто приглашали во дворец по случаю проведения праздничных мероприятий, и заслуженно считали одним из самых достойных кандидатов на ответственный пост в будущем правительстве Англии. Однако сам Джейсон на высокие правительственные должности не рвался, считая любую из них совершенно неприемлемой для себя и даже унижительной для человека с боевым характером. Несмотря на особые привилегии, уважение в обществе и почет, которого он

добился за годы своей безупречной службы, Джейсон не был честолюбив и не стремился к всеобщему признанию. Любовь к собственной семье была для полковника священной и возвышенной, как и любовь к королеве, являющейся для него символом нации.

Всякий раз, когда появлялась хоть малейшая возможность освободиться по службе, он как на крыльях летел к жене и детям и полностью отдавался семейным заботам.

Вот и на этот раз, получив от своего шефа, генерала Адамса разрешение на краткосрочный и заслуженный отдых, он не мешкая отправился домой, где его уже ждали.

Основным занятием его жены Кэтрин, миловидной и стройной женщины 36 лет, обладавшей изящной спортивной фигурой и величественным взглядом, было ведение домашних дел и воспитание детей. В редкие часы досуга, когда появлялось хоть немного свободного от хозяйственных забот времени, она с особой страстью и с невероятным азартом любила рукодельничать. С удовольствием шила платья и рубашки, вязала для домочадцев свитера и носки, которые иногда дарила и друзьям, чем особенно гордилась.

Их шестнадцатилетний сын Рикки, окончивший в этом году колледж, пока еще не определился с выбором дальнейших занятий. Темноволосый зеленоглазый молодой человек высокого роста, с едва пробившимися редкими усиками и россыпью мелких прыщей на лбу и щеках, доставлявших ему немало хлопот, был от природы необыкновенно собранным и целеустремленным. Он никогда не тратил времени зря и не слонялся без дела. В совершенстве владел компьютером и к своим шестнадцати годам был уже профессиональным пользователем. Самостоятельно составлял различные программы и проекты, некоторые из своих разработок отправлял даже на всевозможные городские конкурсы, удостаиваясь кроме сертификатов и небольших вознаграждений.

Дочери Мэри и Роуз, 14 и 12 лет соответственно, несмотря на разницу в два года, имели одинаковую внешность близнецов, и отличить их можно было только по незначительной разнице в росте, манере говорить и количеству веснушек на

хорошеньких личиках. Однако они казались одинаковыми только на первый взгляд. На самом же деле характеры у них были совершенно разные. Мэри росла задумчивой, мечтательной и не слишком словоохотливой. Говорила медленно и сосредоточенно, тщательно подбирая слова и выражения. Роуз, напротив, тараторила без умолку, страшно любила порассуждать по любому поводу, и фантазии на самые разные темы просто захлестывали ее. Она всегда выглядела веселой и жизнерадостной, и весь их просторный дом часто наполнялся ее звонким заразительным смехом.

Обе девочки учились в обычном колледже Лондона, который успешно окончил их брат Рикки, и ничем особенным среди своих сверстников в учебных группах не

выделялись. Часто ходили в кино и театр, иногда для общего развития – в музеи, с удовольствием гуляли на свежем воздухе в городском парке. Как и все дети их возраста, обожали с разрешения родителей устраивать по выходным вечеринки у себя дома или отправляться в гости к своим друзьям одноклассникам.

Вообще, дети Коллинзов, несмотря на разницу в возрасте и характерах, были очень дружны между собой. Воспитанные в любви и уважении друг к другу, они никогда не ссорились, даже если для этого возникал очевидный повод. А каждая свободная от уроков минутка, если мама не привлекала их в этот момент к домашним делам, становилась прекрасной возможностью для душевных бесед, совместных прогулок на велосипедах или компьютерных игр, которые составлял сам Рикки.

Над тихим, почти безмолвным Базилдоном давно уже сгустились сумерки.

На темном небосклоне пробился сквозь густое туманное марево слабый отблеск луны, окруженной со всех сторон бледными, едва различимыми оттенками далеких звезд. Незаметно

спала температура воздуха, которая держалась на протяжении всего дня на отметке в три градуса, и стриженный накануне газон стал медленно покрываться инеем.

Часы показывали восемь вечера, но вся семья Коллинзов была все еще занята уборкой, стараясь управиться до ужина со всеми своими делами. Кэтрин с девочками возились в доме, с особым усердием и рвением наводили в нем чистоту и порядок, и украшали с творческим подходом все его внутреннее пространство. А Джейсон и Рикки находились во дворе, взяв на себя как обычно всю физическую работу, где требовались крепкие мужские руки. Каждый член семьи, распределив между собой обязательства, исполнял свою часть работы по дому и хозяйству, и время от времени весело переключаясь друг с другом, делал ее с подчеркнутым удовольствием, шутя, и на совесть.

Хлопоты были в полном разгаре, когда вдруг на кухне пронзительно зазвонил телефон. Кэтрин, которая была занята в этот момент чисткой конфорок плиты, отложила в сторону намыленную губку, стянула с рук латексные перчатки, вытерла вспотевшие ладони о ситцевый фартук, и сняла трубку. Вначале послышалось какое – то непонятное, странное и протяжное шипение, будто раздражили целый злобный змеиный выводок, затем, через секунду, легкое пчелиное жужжание, а следом и довольно приятный мужской баритон.

– Добрый вечер, миссис Коллинз! – раздался вежливый голос, который был знаком ей не первый год, – С вами говорит генерал Грэг Адамс. Не могли бы вы, пригласить к телефону Джейсона, пожалуйста, а то я никак не могу дозвониться до него по мобильному, видимо, он оставил его у себя в кабинете?

Кэтрин мило улыбнулась, и, не понимая, откуда исходят посторонние шумы, которые сливались со словами генерала, дунула сначала в трубку, а потом легонько встряхнула ее.

– Добрый вечер, мистер Адамс. Рада слышать вас, – ответила она, узнав голос звонившего человека, – подождите, пожалуйста, одну минуточку, он тут рядом, копошится в своем гараже, я сейчас позову его.

Она положила трубку на подоконник, быстро ополоснула под краном руки, и, вытерев их кухонным полотенцем, раскрыла настежь створку широкого окна, выходящего в сад.

– Милый, ты слышишь меня? – громко позвала она мужа, возившегося в тот момент в саду с хозяйственным инвентарем, – подойди, пожалуйста, к телефону, генерал Адамс на связи, и срочно просит тебя!

Джейсон поставил у стенки сарая грабли, на которые установил только что новый черенок, бросил перчатки на тележку, и стряхнул с одежды сухие листочки и травинки.

– Одну секунду, милая, сейчас приду, не клади, пожалуйста, трубку, – ответил он, вежливым голосом, и тут же, быстро помыв руки из лейки, которую протянул ему Рикки, вбежал в дом, повесил куртку на вешалку, и подошел легкой поступью к телефону.

– Коллинз слушает, – по военному, четко произнес он, выпрямив спину.

– Приветствую тебя, дружище, – послышался бодрый голос генерала Адамса, – прости меня за столь несвоевременный звонок. Но, признаться, меня вынудили к этому очень важные и крайне неотложные обстоятельства. Нам необходимо срочно встретиться с тобой, и обсудить одно очень деликатное дело, которое не терпит никаких отлагательств. Мой водитель уже

выехал в Базилдон, и должен быть у тебя примерно через пять минут. Да, вот еще что, сынок, – добавил он, слегка приглушенным голосом, – пожалуйста, оставь все свои телефоны дома – сегодня в них нет никакой надобности!

– Понял тебя, шеф, буду готов через пару минут, – ответил полковник, уже сухим тоном, и медленно положив трубку на место, молча, уставился в распахнутое окно, с внезапно нахлынувшей на него грустью.

– Что – nibудь случилось, милый? – обратилась к нему Кэтрин, стоявшая с растерянным видом поодаль в ожидании завершения его разговора с генералом, – как я поняла, тебя снова вызывают на службу?

В ее тихом, сдавленном и тонком голосе чувствовалось откровенное разочарование, и непреодолимая тоска от ощущения, что ей снова придется остаться одной с детьми.

– Да, любимая, вызывают, – ответил он, с задором кивнув в ее сторону головой, – и к великому сожалению, предстоит ехать прямо сейчас. Меня ждут на службе по крайне важному и неотложному делу. Машина, посланная за мной генералом Адамсом, должна быть уже в нашем городке, и вот – вот появится у калитки.

Джейсон отвечал ей, как всегда бодрым и веселым голосом, стараясь, не выдавать своих расстроенных чувств, и, изображая на лице мягкую добродушную улыбку.

– Так что, милая, успокой детей, поужинайте тут без меня, и не скучайте, – сказал он, расстегивая свой рабочий комбинезон, – Я постараюсь, улечься пораньше, и не задерживаться у него до поздна, не думаю, что это надолго.

Он нежно обнял свою любимую супругу, поцеловал ее в розовые щеки, и, на несколько секунд задержав взгляд на ее грустном лице, направился к себе в кабинет.

– Господи, неужели этому никогда не будет конца?! – бросила Кэтрин ему вслед, с явной тоской в голосе, – тебе ведь скоро сорок лет стукнет! Вон, гляди, уже и седина пробилась на висках, а тебя все еще заставляют бегать, как мальчишку. Пора бы, наконец, и о доме своем родном подумать! У тебя же сейчас законный отпуск, которого мы с детьми так долго ждали! А что, у генерала Адамса нет никого, кроме тебя?

Услышав за спиной обиженный голос своей любимой супруги, Джейсон остановился на верхней ступеньке лестницы, медленно обернулся, и посмотрел на нее с улыбкой.

– Прошу тебя, милая моя Кэт, не расстраивайся по пустякам, – произнес он, виноватым тоном, – ты же знаешь, что это моя работа. Я постараюсь закончить дела как можно скорее, и вернуться домой до того, как вы ляжете спать.

Не прошло и четырех минут, как он переоделся в строгий темный костюм, белую рубашку, черный галстук и такого же цвета туфли, легко пробежал вниз по лестнице, и схватив на ходу свой плащ и огромный зонт, быстро зашагал к выходу. Подойдя к двери, он вдруг остановился, повернулся к Кэтрин, которая стояла, прижав руки к груди, послал ей с улыбкой воздушный поцелуй, и выскочил тут же во двор.

Как и говорил генерал, перед воротами дома Коллинзов уже стоял его служебный автомобиль Лэнд Ровер темного цвета с работающим двигателем и включенными фарами ближнего света. Джейсон запер снаружи калитку на ключ, опустился на заднее сиденье машины, и, вежливо поприветовавшись с водителем, аккуратно положил рядом пальто и зонт, и негромко скомандовал: – Трогай, Дэниэл!

Спустя сорок минут машина подъехала к серому, двухэтажному и неприметному с виду дому на южной окраине Лондона, который ничем другим не отличался от других строений вокруг, кроме освещенности его фасада. Весь двор небольшого уютного особняка генерала Адамса был в этот вечер целиком погружен во тьму, будто его отключили от электричества, что даже заметно удивило полковника Коллинза. Лишь слабый отблеск света, пробивающийся сквозь плотно зашторенное окно на втором этаже, свидетельствовал о том, что дом еще обитаем. Джейсон перекинул через руку плащ, зажал под мышкой зонт, и поправив по привычке галстук, медленно подошел к кованой чугунной ограде, и нажал на кнопку домофона, расположенного над почтовым ящиком. Через мгновение в замочной скважине раздался еле слышный щелчок, и металлическая калитка, бесшумно сдвинувшись до конца вправо, застыла, уперевшись в мягкую каучуковую пластину, закрепленную на бетонном столбике. Едва он вошел во двор, как на него сверху и с боков направились несколько тонких красных лучиков, словно лазерные прицелы снайперов, обнаруживших свою цель. Коллинз поднялся по ступенькам на крыльцо, остановился у входной двери, и, подняв голову, уставился в глазок камеры наблюдения, свисавшей, словно банан прямо над дверью, и махнул в нее рукой.

– Входи, полковник, там не заперто, – послышался спокойный и вежливый голос генерала, – поднимайся сразу ко мне, наверх, а то я уже заждался тебя здесь.

Джейсон вошел в дом, повесил плащ справа на вешалке, опустил зонт в большую пластиковую урну, и поднялся по скрипучим деревянным ступенькам на второй этаж.

Генерал Адамс сидел за своим рабочим столом, и при свете настольной лампы, накрытой оранжевым абажуром, что – то увлеченно вычитывал в своих документах, и выписывал какие – то слова в отдельный блокнот. Правой рукой он держал толстую, черную перьевую ручку, а левой – придерживал свои изящные, с розовым налетом роговые очки, которые все время соскальзывали у него с переносицы из-за поврежденной дужки.

Грэгори Степлтон Адамс слыл настоящей легендой среди агентов секретной службы Ее Величества, хотя о его реальных заслугах и настоящей, не приукрашенной ничем жизни, знали всего несколько человек из всей широко разветвленной структуры разведки. Это был пожилой, но атлетически сложенный, бодрый, подтянутый и жизнерадостный человек шестидесяти трех лет, с аккуратно ухоженной седой бородкой и закрученными вверх пышными усами пепельного цвета. Генерал многое повидал на своем веку. Он был для секретной службы одним из наиболее опытных стратегов, способным на месяцы, а то и на годы вперед просчитать довольно сложные для расшифровки планы любого

потенциального противника. Его четко выверенная и расчетливая тактика, даже играя одновременно на нескольких, разбросанных по разным точкам полях своих недругов,

низменно приносила исключительно положительные и яркие результаты. Он являлся непревзойденным аналитиком и психологом для своей любимой службы, чье руководство откровенно восхищалось его далеко идущими выводами и заключениями, которые, выходя иногда за рамки логических предположений, неизменно приводили к нужной цели. Даже находясь дома, генерал предпочитал работать либо в военном мундире, либо в строгом гражданском костюме, и никогда не изменял выработанным за долгие годы службы правилам и привычкам. Последние шесть лет он заслуженно возглавлял особый отдел МИ-6, созданный в том

числе и по его личной инициативе, и занимался делами исключительной государственной важности, которые по тем или иным причинам зависали между полицейскими структурами и разведкой. Грэгори Адамс по праву слыл незаменимым и бесспорным профессионалом аналитического и оперативного мышления в секретной службе, чья успешная деятельность была отмечена многочисленными высокими наградами британского правительства и лично Ее Величеством Королевой. Генерал жил один, и вне служебного кабинета ни с кем, кроме Джейсона и своей домработницы не общался. После внезапного и ничем не объяснимого развода со своей любимой женой Дженнифер, которая ушла от него более трех лет назад, и переехала на постоянное место жительства в США, он так и не решился обзавестись новой спутницей, и за эти годы успел уже привыкнуть к своему статусу одинокого мужчины. Коллинз был не только его талантливым сотрудником и боевым товарищем, но и его питомцем, любимчиком и другом, с кем он мог откровенно поговорить о чем – угодно, поспорить на любую тему, отвести за бокалом виски душу, и отвлечься от многочасовой рутины и гнетущей тоски. Довольно часто он даже придумывал какой – нибудь несущественный, отвлеченный повод, чтобы пригласить Джейсона к себе в гости, выпить с ним по чашке кофе, и перекинуться, хотя бы парой фраз о погоде в столице, о настроениях в британском обществе и о делах, начисто лишенных всякой политики и официоза.

Увидев Джейсона в дверях, он отложил в сторону документы, снял с переносицы очки и, поднявшись из за стола, крепко пожал ему руку, и обнял за широкие плечи.

– Рад видеть тебя, старина, – произнес он, глядя на своего воспитанника с широкой улыбкой, – ну, проходи, присаживайся. Может быть, по бокалу виски?

Коллинз вежливо и с той же добродушной улыбкой ответил на приветствие своего старшего товарища, и слегка замешкался, раздумывая над предложением о бокале виски. Он был твердо настроен на то, чтобы вернуться домой трезвым, и успеть провести со своей семьей, хотя бы часок перед тем, как дети разойдутся вновь по своим спальням.

– Благодарю тебя, генерал, я бы выпил только чашку кофе, если можно, – ответил он, внутренне подготовившись выслушать очередное задание своего уважаемого шефа, полагая, что тот наверняка вызвал его неспроста в такое позднее для посиделок время. – Прости, но, что – то совсем не тянет меня сегодня на алкоголь.

Накануне приезда своего агента Грэг отключил домашний телефон, и намеренно отправил домой свою домработницу пораньше, чтобы никто не смог помешать их беседе.

В часы своей долгой, увлеченной и кропотливой работы над сложными и ответственными документами, и особенно, если планировалась встреча со своим агентом, он освобождал ее от всех обязанностей по хозяйству, и прощался с ней до следующего дня. Даже кофе для своего друга он всегда готовил сам, и делал это с особым удовольствием и радостью. Это был его конек, процесс приготовления которого, он никому не доверял.

Генерал спустился с Джейсоном на первый этаж, усадил его в гостиной перед камином, поставил перед ним журнальный столик со свежей прессой, и ушел на кухню. Спустя всего пять минут, он сварил великолепный напиток в своей любимой раритетной чугунной турке, имевшей двойное дно, между пластинами которого был запаян обычный речной песок. Вдохнул с наслаждением аромат, который стал плавно растекаться по всей гостиной, налил его в изящную фарфоровую чашку на широком блюде, положил в нее три кусочка сахара и тонкую дольку лимона, и поставил на столик перед своим дорогим гостем. Следом он достал из холодильника бутылку прохладной минеральной воды, ловко отвинтил двумя пальцами крышечку, и разлил ее в два стакана.

– Спасибо, Грэг, ты никогда не забываешь мой вкус, – сказал Джейсон, и глубоко втянув аромат напитка, зажмурился на миг, сделал из своей изящной чашки несколько маленьких смачных глотков, и замер в ожидании предстоящего разговора.

Генерал налил себе стакан крепкого чая, бросил в него кусочек сахара и тонкую дольку лимона, сделал, не размешивая один глоток, и тихо опустился в кресло напротив.

– Послушай, сынок, – начал он беседу, уставившись на него в упор, и пронизывающе сверля его своим строгим взглядом, – я пригласил тебя для того, чтобы ввести в курс твоей предстоящей командировки в Вашингтон, куда тебе предстоит вылететь завтра же. По прилету в аэропорт Даллеса тебя встретят наши партнеры, отвезут сначала в отель, где забронирован двухместный номер, а на следующий день они доставят тебя к месту проведения заседания комиссии НАТО. Это внеочередное закрытое заседание рассчитано на три дня, в течение которого будут рассматриваться очень важные вопросы по определению стратегических планов развития отношений с Россией, Китаем и Ираном на ближайшие пять лет. Разумеется, будут обсуждаться также способы и методы борьбы с международным терроризмом, который с каждым днем все выше и выше высовывает свои бесовские головы из всех щелей, заставляя трепетать весь мир.

Джейсон сделал из своей чашки еще маленький глоточек, задумчиво посмаковал его, и, аккуратно поставив чашку на стол, посмотрел на генерала, не меняя выражения лица.

– Ты же знаешь, Грэг, для меня великая честь служить Ее Величеству и своему народу, – ответил он с улыбкой, – я всегда готов исполнить любой твой приказ, каким бы он не был. Мне следует только узнать, каковы будут указания по нашим позициям на этот раз, и что изменилось в нашей политике за прошедший месяц?

Генерал довольно погладил свои пышные усы, улыбнулся в ответ, и подкинув в камин пару дровишек, откинулся на спинку кресла.

– Планы наши остаются прежними, сынок – сказал он, каким – то дежурным голосом, за которым явно что – то было скрыто, – это полное взаимодействие с нашими партнерами американцами. Но при этом каждый новый пункт, если таковой появится, должен быть согласован непосредственно со мной, чтобы честь короны и интересы нашего государства были должным образом защищены.

Он собрался было, сказать еще что – то, и уже потянулся было через столик, но почему – то промолчал, мельком бросив странный взгляд в окно, и почесал затылок.

– Задача предельно ясна, господин генерал, готов приступить к исполнению, – ответил Джейсон, глядя в глубоко задумчивые, но почему – то вмиг погрустневшие глаза своего шефа, и предположил, что хозяин дома явно чего – то не договаривает, или тщательно обдумывает очередную идею по предстоящим делам.

– Ну, что ж, – подытожил беседу Грэг, – в таком случае, не смею больше задерживать тебя. Отправляйся сейчас же домой, хорошенько выспись перед поездкой, и тщательно подготовься к своей миссии. Билеты и все необходимые документы для работы в США ты получишь в аэропорту, перед самой посадкой на рейс.

Он медленно поднялся затем с кресла, расправил плечи, и, дождавшись, пока полковник Коллинз накинет на плечи плащ, и возьмет в руки зонт, направился вместе с ним к двери. Выходя из дома, Джейсон вдруг услышал сзади еле слышный голос шефа.

– Не оборачивайся, сынок, и слушай меня внимательно, – произнес он, из-за спины, – поезжай сейчас на Пикадилли. Там отпустишь моего водителя, и зайдешь в ночной бар на углу улицы справа, где собираются сегодня фанаты столичного футбольного клуба «Арсенал». Жди меня там. Я подъеду туда не позже, чем через час.

– Значит, предположения мои оказались все – таки верны, – подумал Джейсон, двигаясь к машине, – генерал не сказал мне чего – то очень важного, о чем, видимо, нельзя говорить, даже в своем собственном доме, и даже руководителю одной из стратегических структур мощнейшей секретной службы мира. Что же его так сильно гложет, чего он остерегается?

Он остановился на пару минут с задумчивым взглядом перед автомобилем, а затем вежливым голосом обратился к водителю через опущенное стекло передней дверцы:

– Отвези – ка меня, Дэн, на Пикадилли, пожалуйста. Хочу сегодня посидеть немного в баре, и пропустить бокал – другой своего любимого виски. Ждать меня не стоит, домой доберусь сам, на такси. Так что, высади меня там, и отправляйся к себе.

Обычно немногословный и замкнутый личный водитель генерала Адамса, из которого за весь день не возможно было вытащить ни единого слова, был в этот вечер в приподнятом настроении, весел и довольно словоохотлив.

– Нет проблем, сэр, – ответил он, с юношеским задором, будто его позвали на вечеринку, – доставлю вас с ветерком, куда прикажете, и как можно скорее. Благо, судя по нашему навигатору, заторов сейчас нигде нет, и дорога совершенно свободна.

Спустя сорок минут, Коллинз шел уже по Пикадилли по направлению к тому самому бару, о котором говорил ему генерал Адамс. Увидев, наконец, соответствующую вывеску метров за сто до конца улицы, он сбавил шаг, дошел не спеша до входа, и остановившись на несколько минут перед дверью, огляделся по сторонам, и вошел внутрь.

Бар был забит почти до отказа. Болельщики «Арсенала» с шумом и грохотом отмечали встречу с игроками столичного клуба, и веселились от души. В помещении было невыносимо жарко и душно. Запах пива с кислым привкусом и плотная завеса из густого табачного дыма били противно в ноздри, вызывая резкое отвращение. Ловкие молодые официанты юрко сновали с подносами меж низких полукруглых столов, обставленных многочисленными стеклянными, пустыми и полупустыми пивными бутылками и пепельницами, разнося однообразные заказы своим крикливым посетителям.

– Вряд ли, нам удастся посидеть здесь, и тем более спокойно поговорить, – подумал Джейсон с досадой, и собрался было уже выйти, прогуляться еще немного на свежем воздухе, чтобы дожждаться своего шефа снаружи. Но в ту же секунду к нему подскочила молоденькая, смуглолицая и миловидная официантка лет восемнадцати, и вежливо предложила занять небольшой столик на двоих у входной двери, рядом с огромным фикусом и с широким окном для прекрасного обзора прилегающей к бару улицы. Коллинз не стал возражать, и лишь пожав слегка плечами, молча, и с улыбкой на лице кивнул в ответ, согласившись с ее предложением. Из-за отсутствия мест на вешалках, которые были облеплены со всех сторон верхней одеждой посетителей, он повесил свой плащ на стул, свернул в трубочку галстук, который заметно выде-

лял его среди остальных, положил его в карман пиджака, и присел за низенький, не совсем удобный на первый взгляд столик. Оглядевшись вскоре вокруг, и оценив расположение своего скромного места, Джейсон заметно расслабился, поняв, что лучшего места для интимной беседы с генералом и не найти, и удовлетворенно смирился со своей выгодной дислокацией. Размышляя о загадочной теме предстоящего разговора с Грэгом, он не сразу обратил внимание на другого официанта, выросшего перед ним, словно джин из бутылки.

– Простите, что заставили вас ждать, сэр, – произнес гарсон, с характерным азиатским акцентом, и вынув из кармашка фартука блокнот и ручку, посмотрел на своего клиента, каким – то детским взглядом, – Что будете заказывать?

– Мне бы пинту ирландского пива и немного соленого арахиса, – ответил полковник, с улыбкой, оттянув рукав пиджака, и взглянув мельком на часы, вновь перевел взгляд на официанта. Молоденький малаец спешно отметил заказ в своем блокноте, поправил на столе скатерть, и поставив под кружку пива круглую картонную пластину, так же быстро исчез из виду, как и появился.

– Если ничего непредвиденного не произойдет, то Грэг должен появиться здесь через пятнадцать минут, – подумал Джейсон, выглянув в окно, – генерал никогда не опаздывает, и всегда пунктуален. Стало быть, осталось ждать всего четверть часа.

Ровно через четверть часа в баре появился коренастый человек среднего роста и неопределенного возраста. Он был одет в ярко красную в белые полосы куртку с капюшоном, а голова его была покрыта такого же цвета спортивной шапочкой с длинным козырьком. Даже лицо этого чудака, который больше походил своим видом, скорее на клоуна, было разукрашено в красно-белый цвет. Он был весь обвешан символикой футбольного клуба «Арсенал», и издавал тихий металлический звук бьющихся друг о дружку многочисленных значков, медалей и бейджиков закрепленных на его широкой груди. Комично разодетый незнакомец осмотрелся сначала по сторонам, задержал на пару секунд свой взгляд на явно скушающем полковнике, и тут же растворился в пестрой толпе галдящих перед большим плазменным экраном телевизора шумных фанатов.

Прошло еще пятнадцать минут, но генерал так и не появился. Джейсон стал все чаще поглядывать на часы, всматриваясь в лица немногочисленных прохожих, мелькающих за широким окном, в надежде обнаружить среди них своего запаздывающего шефа. Воспользоваться мобильным телефоном он не имел права – на то существовало строгое указание Грэга, запретившего, даже брать его с собой на время их важной беседы. Однако это был единственный его приказ, которого Коллинз за все время их совместной службы послушался, захватив с собой телефон, и держа его отключенным в заднем кармане брюк. Он рассчитывал, что после встречи с шефом, которая по его предположению могла занять не более получаса, он включит его, позвонит супруге Кэтрин, чтобы она не беспокоилась понапрасну, и предупредит ее о времени своего возвращения домой.

Вдруг, неожиданно, из толпы ревуших на все помещение фанатов, вынырнул тот самый, комично одетый, увешанный символикой «Арсенала» странный мужчина в смешной красной спортивной шапочке с козырьком, который бросил короткий взгляд в окно, а потом уставился на задумчивого Джейсона. Затем, пошатываясь из стороны в сторону, словно изрядно подвыпивший завсегдатай бара, он направился прямоком к его столику, и с ходу ухватился обеими руками за спинку свободного стула.

– Разрешите, мистер, присесть за ваш столик, вижу, что у вас есть свободное местечко? – спросил он, не глядя Джейсону в лицо, и тут же, не дожидаясь его реакции и позволения, резко выдвинул стул, и присел напротив.

– Простите, сэр, но столик занят! – заявил Джейсон возмущенным, но спокойным голосом, еле сдерживая себя от желания дать отпор наглецу, – Я жду своего приятеля, который должен, появиться здесь с минуты на минуту. Так, что простите, сэр, но вам необходимо пересесть за какой –нибудь другой столик.

Видя, что странный комичный незнакомец совершенно не реагирует на его возмущение, и не намерен покидать столик, он стал пристально вглядываться в его лицо.

– Ну, что, полковник Коллинз, долго ты еще будешь рассматривать меня, словно икону, или, может быть, тебе для этого лупу дать, что ли? Неужели, ты не смог определить меня по голосу, черт подери? – произнес он, с некоторой ехидцей в недовольном голосе, – Эх ты, а еще и профессионал высшего класса!

Это был генерал Адамс собственной персоной, искусно загримированный под фаната футбольного клуба «Арсенал», узнать которого в этом нелепом наряде, было невозможно.

– Как же так, Грэг! – произнес Джейсон, раскрыв рот от удивления, – а что же ты сразу не подошел, зачем вся эта нелепая конспирация, и к чему весь этот цирк? Мы ведь с тобой в своей собственной стране, и бояться нам здесь, некого и нечего?

Грэг слегка поморщился, оглядел весь зал, и поднял козырек своей смешной шапочки.

– Так надо было, старина! Я долго присматривался к тебе и твоему столику, и следил за тем, не наблюдает ли за тобой кто –нибудь со стороны, – ответил он, уже без улыбки, глядя на своего визави сосредоточенным взглядом. – Во – первых, я не мог у себя дома сказать тебе всего, чего хотелось бы, поскольку, мой дом и весь прилегающий к нему двор буквально нашпигованы с некоторых пор прослушивающей аппаратурой. Во – вторых, место, где мой водитель высадил тебя, уже сутки, как не охватывается уличными камерами видеонаблюдения. В – третьих, система видеонаблюдения всего бара уже двое

суток также отсутствует, а подключение, по моим проверенным данным, ожидается только через два дня. Дело, ради которого мы устроили здесь свою встречу, стоит того,

чтобы, как можно меньше людей знало об этом, или, если сказать еще откровеннее, чтобы никто даже и не догадался о ней.

Джейсон смотрел на своего шефа заинтригованным взглядом, не совсем понимая, к чему эта подчеркнутая осторожность и подозрительность, но не стал подавать вида.

– Понял тебя, генерал, – произнес он, с некоторой иронией в голосе, – я готов внимательно выслушать тебя. Полагаю, что тема нашей секретной беседы стоит этой конспирации, и предвещает на этот раз нечто необычное?

Грэг глубоко вздохнул, снова окинул пытливым взглядом все помещение, и вновь низко надвинул на лоб длинный козырек своей забавной шапочки.

– Знаешь, дружище, – сказал он, глядя пристально в глаза своего собеседника, – тебе не надо рассказывать о сложной обстановке в мире; о злых и жестоких террористах, которые держат в страхе все страны; о бесконечных войнах враждующих между собой государств, а также о крайне непримиримом противостоянии политических систем. Тебе, как никому другому известно об этом, и не только как высококлассному практику, но уже и как профессиональному аналитику, а с некоторых пор и опытному, тонкому психологу, способному с первого взгляда считывать нужную информацию.

Генерал вновь оглядел переполненное фанатами помещение душевого бара, и сделал многозначительную паузу. Затем, достав из кармана аккуратно сложенный белый носовой платок, он вытер им влажный лоб, и повернул голову в сторону стойки бара.

– Парень, можно вас! – крикнул он молодому человеку в темно – бордовом фартучке, который стоял поодаль, поглядывая робким взглядом на бушующих уже фанатов, – Да, да, вы, юноша! Подойдите к нам, пожалуйста...

Все тот же официант, принявший ранее заказ у Джейсона, быстро схватил со стойки поднос, подскочил к их столику, и встал перед Грэгом, с улыбкой окинув его взглядом.

– Слушаю вас, господа. Чего изволите? – выпалил он, скороговоркой, заученную фразу на довольно забавном английском, и тут же, вынув из кармашка фартука тонкий блокнотик с авторучкой, встал у края стола, расплывшись в широкой улыбке.

– Принесите нам, пожалуйста, бутылку «Скотч Дэниелс» и немного твердого французского сыра. Да, и нарежьте еще тонкими ломтиками лимон, – скомандовал зычным голосом генерал, привыкший отдавать приказы своим подчиненным.

– Через минуту все будет готово, сэр, – ответил гарсон, учтивым голосом, отметив заказ в своем блокноте, после чего, вновь блеснул довольной улыбкой, поправил на столе скатерть, и обойдя за пару метров галдящую на весь зал ораву, юркнул на кухню.

– Так вот, Джейсон, – продолжил Грэг, уставившись на него серьезным взглядом, – твоя миссия в Вашингтон состоит не только в том, чтобы отсиживаться в течение трех дней на этих скучных заседаниях, и внимательно выслушивать дежурные речи руководителей комитетов, конспектируя каждое их выступление. Ее истинная суть гораздо важнее и ценнее не только для нашей Короны, но и для всего мира в целом. И это, друг мой, поверь, не шуточки на праздные темы и не очередной сюжет из фильма, где героическими усилиями своих скаутов американцы спасают погибающий мир.

Генерал снова взял паузу, поскольку, в этот момент гарсон принес их нехитрый заказ, сам снял с подноса бутылку виски, водрузив ее на середину стола, и взял того за рукав.

– Да, вот еще что, парень, рассчитай – ка нас сразу же, – сказал он, все тем же властным, но тихим голосом, не поворачивая к нему головы, – не думаю, что нам понадобится сегодня что –нибудь еще.

– Тогда с вас ровно двадцать один фунт, господа, – выпалил официант, еще более вежливым и мягким тоном, кладя со вздохом распечатанный чек на стол, видимо рассчитывая получить от своих загадочных клиентов хорошие чаевые.

Джейсон тут же полез во внутренний карман своего пиджака, достал из него бумажник, извлек оттуда банковскую карту «Виза», и положил ее на пустое блюдце рядом с чеком.

– Убери ее немедленно, дружище! Никаких карт, только наличные! – бросил Грэг, строгим тоном, и вытащив из нагрудного кармана своей забавной куртки несколько новеньких хрустящих купюр, отделил из них три по десять фунтов, и положил их на край стола перед официантом.

– Благодарю тебя, сынок, за хороший сервис, и за доброе и вежливое отношение к своим клиентам, – сказал он, вполголоса, – сдачу можешь оставить себе.

– Спасибо вам огромное, сэр. Желаю приятного отдыха! – ответил довольный официант, кладя деньги в кармашек, и прихватив с собой освободившийся поднос, ушел вприпрыжку в сторону стойки бара, ловко протискиваясь между фанатами.

Едва тот исчез в толпе, Грэг разлил виски по бокалам, поставил их на белоснежные салфетки, и предложив выпить за любимую Королеву, встал из за стола, и вытянулся во весь рост. Джейсон с удовольствием поддержал первый, и обычно дежурный тост своего шефа, и также приподнявшись со стула, расправил плечи, и полностью осушил вслед за генералом свой бокал.

– Думаю, полковник, теперь наша беседа пойдет гораздо веселее, – сказал Грэг, с легкой улыбкой на вмиг подобревшем, разукрашенном в красно – белый цвет лице.

– Тебе трудно возразить, шеф, – ответил Джейсон, улыбнувшись, чувствуя внутри постепенный прилив тепла, которое тут же стало растекаться по всему телу, избавляя его от некоторого напряжения в мыслях.

– Так вот, сынок, – продолжил свою интимную беседу генерал, перейдя на спокойный и размеренный тон, – пару дней назад мне было предложено моими американскими друзьями подыскать из нашей среды надежного и доверенного человека для проведения у них закрытого мероприятия, которое не будет входить в число твоих официальных задач. Вопрос который будет обсуждаться на этой засекреченной встрече является чрезвычайно важным и значимым не только для какой – то отдельно взятой страны, но как бы пафосным это не показалось на первый взгляд, и для всего мира в целом. Я не долго раздумывал над этим предложением, а точнее сказать, просьбой своих близких друзей. Разумеется, не сложно предположить, что выбор мой пал именно на тебя, как на наиболее достойного и близкого к себе человека.

Грэг вновь прервался, неторопливо разлил виски по бокалам, взял ломтик сыра, и вкравчиво посмотрел на своего собеседника, который не сводил с него глаз, предельно внимательно слушая довольно странную речь шефа, и не зная, как на нее реагировать. Джейсон сидел все это время неподвижно. Он с жадностью ловил каждое слово своего мудрого наставника, стараясь осмыслить значение произносимых им загадочных фраз.

– Раньше, – думал он, не меня выражения сосредоточенного лица, – этот опытный и бесстрашный человек мог обсудить с ним очередное новое задание в любой обстановке, делая это легко и непринужденно, а сегодня он устроил целый театр

с конспирацией и этим нелепым переодеванием. Должно быть, готовится что – то очень серьезное и масштабное. Интересно, что же он такое задумал, и в чем кроется его суть?

Генерал в этот момент вытер губы салфеткой, провел пальцами по своим пышным пепельным усам, поднял бокал, и вытянул его с улыбкой на середину стола.

– Ну, что, полковник, давай – ка, выпьем за твою удачную миссию и счастливое возвращение домой, – сказал он, опрокинув свой сосуд, и закусив ломтиком сыра, – Да сопутствует тебе удача, сынок, и пусть наш Господь благословит тебя!

Джейсон поднес бокал к губам, задумался на секунду о том, что собирался этим вечером попасть домой трезвым и до того как дети лягут спать, слегка поморщился, искренне поблагодарил своего шефа за доверие и добрые пожелания, и нехотя выпил.

– А теперь, друг мой, о самом главном, ради чего мы с тобой выбрались сюда, – сказал Грэг, отставив свой пустой бокал в сторону. – Как ты знаешь, с каждым годом по всему миру растет угроза применения ядерного и бактериологического оружия. Для нашей конторы уже не является секретом, что Иран, не без помощи России, удачно завершил испытания своих ядерных ракет, и мы уверены в том, что их первоочередной целью станет, прежде всего, ненавидистый им Израиль. Нет сомнений в том, что случае его успешного применения против евреев Иран на этом не остановится. Следующими его целями бесспорно станут США, большая часть Европы, и в том числе Великобритания.

В течение долгих лет мы всеми доступными способами и средствами препятствовали развитию ядерного потенциала Ирана, зная, к чему приведет это в конечном итоге, и никогда не допустили бы его появления в мировом атомном сообществе. Однако как мы и предполагали, в процесс вмешалась Россия, которая на сегодняшний день остро нуждается в политическом реванше и особом козыре для возвращения своего бывшего могущественного влияния на мировую политику. Всячески способствуя продвижению ядерной программы Ирана, она поступательно, скрытно и вполне уверенными темпами сближается с ним по всем позициям. Их тесный союз можно считать сегодня уже свершившимся фактом. Только за прошедшие пять лет, тайными каналами через Азербайджан, Россия поставила в эту страну такой объем обогащенного урана, что позволило тому создать у себя достаточно большое количество ракет с ядерной начинкой. Мы упорно пытались договориться с ними на всех уровнях, готовы были пойти на значительные уступки в торговых отношениях, предлагали помощь в социальных проектах, но, к сожалению, персы остались непреклонны, и отвергли все предложения и инициативы с нашей стороны. Но нам все же удалось установить довольно тесные контакты с некоторыми очень влиятельными руководителями спецслужб этого государства, которые после тайных переговоров выразили готовность к сотрудничеству. Более того, они уже сегодня настроены на смену своего действующего режима, чтобы привести к власти людей из своего же круга, склонных к светскому правлению, которые будут безоговорочно следовать их указаниям. Аналогичная ситуация сложилась и в некоторых других странах, с представителями спецслужб которых мы ведем вполне успешные переговоры. Люди, с которыми тебе предстоит встретиться в Вашингтоне, Джейсон, это очень влиятельные, высокопоставленные, а главное, действующие сотрудники различных секретных служб. Они решительным образом нацелены на самые радикальные меры для свержения существующих режимов и достижения поставленных перед собой целей. Каждый из них имеет свой конкретный план действий и обширную сеть подготовленных подразделений, оснащенных всеми возможными видами техники, оборудования и, разумеется, современного вооружения. Все участники этой закрытой встречи абсолютно едины в общем мнении, что самый оптимальный путь для достижения всеобщего мира на нашей земле – это отстранение а, при необходимости, и устранение тех руководителей государств и их приспешников, которые упорно ведут наш мир к всеобщей катастрофе. Речь идет

о тех главах государств, которые не считаются сегодня ни с волей своих народов, ни их законными правами, ни тем более с их интересами. Как ты знаешь, опыт наших союзников американцев в проведении многочисленных военных операций в различных регионах по всему миру показал, что свергая один режим в какой – либо стране, ему на смену приходит еще более жестокое и совершенно непредсказуемое правление. Затратив невероятные суммы финансовых средств своих налогоплательщиков, они смогли только разворошить по всему миру огромное осиное гнездо, выпустив на волю злобных монстров. Во всех этих странах, где ими проводились операции по установлению демократии, наступили только хаос, нищета и безработица. Огромные толпы несчастных и обездоленных людей в поисках лучшей доли стали буквально просачиваться в более развитые и материально устойчивые страны, создавая для последних невероятно тяжелые социальные и экономические последствия. К сожалению, должен отметить, что во многих, даже несанкционированных ООН спецоперациях наших друзей американцев принимали участие и наши вооруженные силы. Что из этого вышло, нам с тобой хорошо известно. Необходимо кардинально менять способы и методы достижения поставленных целей и задач, и незамедлительно создать такую организацию, которая смогла бы повсеместно решать глобальные, комплексные мировые проблемы. Такая необходимость давно назрела, и требует своей разумной реализации, иначе нас ждет неминуемый крах.

Грэг снова достал из кармана белоснежный платок, вытер им лицо, оставив на хлопчатобумажной ткани яркие пятна своей боевой раскраски, и положил его на стол. Обычно сдержанный, невозмутимый и спокойный генерал Адамс вдруг занервничал, стал постукивать пальцами по столу, водить глазами по сторонам, а затем, вынув из кармана куртки полупустую пачку сигарет «Кент» и зажигалку, закурил, уставившись с грустью на своего задумчивого собеседника. Но, сделав пару неглубоких затяжек, он положил сигарету на блюдце, и вновь разлил виски по бокалам.

– Я никогда ранее не волновался, сынок, так как сегодня, но тому есть веская причина, – произнес он, совсем притихшим голосом, снова внимательно оглядев весь зал, – поверь старине Грэгу, все, что я говорил тебе до этого – всего лишь прелюдия к самому главному, о котором собираюсь поведать тебе.

Генерал оттянул после этого плечи назад, мгновенно осушил свой бокал, сделал еще пару затяжек, и аккуратно затушив тлеющую сигарету, накрыл пепельницу блюдцем.

Джейсон слушал его уже с напряжением, не отводя взгляд от его губ, и слегка покрасневших от выпитого виски щек. Он перестал даже думать о своей семье, которая, судя по серьезности затронутой темы, вряд ли теперь дождется его сегодня до полуночи. Интрига в их беседе стала нарастать с каждой минутой, и, казалось, затянется надолго.

Грэг вновь выдержал паузу, давая своему агенту возможность осмыслить суть затронутого вопроса, после чего сделал глубокий вдох, придвинул свой стул к нему поближе, положил правую руку на стол, и медленно сжал ее в кулак.

– У меня было строгое указание, не обсуждать в Великобритании какие – либо инструкции, касающиеся этой масштабной программы, даже с очень близкими мне и доверенными лицами, – сказал он, уже совершенно спокойным голосом, будто и не было той нервозности, в которую он впал буквально пару минут назад, – но ты, Коллинз – совсем другое дело. Ты мне дорог, как родной сын, и скрывать от тебя то, что известно

мне самому, я не собираюсь. Времени для дальнейших обсуждений этого вопроса у нас практически нет, и решение необходимо принять срочно, сегодня, и именно сейчас! Состав группы, которая будет проводить закрытую встречу в Вашингтоне, давно уже определен. В нее

входят в основном проверенные сотрудники секретных служб США, Великобритании, России, Ирана, Белоруссии и Турции, а также еще около десятка представителей некоторых стран Европы, Азии и Латинской Америки, о которых мне пока ничего не известно. А нашу контору будешь представлять ты, дорогой мой Джейсон. Именно эти государства, делегаты от которых будут представлены на закрытом собрании, играют сейчас ключевые роли в своих регионах. Именно от этих стран сегодня зависит, к чему придет наш беспокойный мир в ближайшие пять – десять лет. Анализ происходящих повсеместно событий наглядно демонстрирует, что угроза ядерной или бактериологической войны, как никогда прежде актуальна сегодня, и предотвратить ее можно только одним способом – сместить, либо устранить, потерявших ощущение реальности зарвавшихся руководителей определенных государств вместе с их тайными советниками. А чтобы не наступил в этих государствах очередной хаос, или не пришли к власти неуправляемые безумцы, нами будут подготовлены соответствующие кандидатуры, которых в первую очередь устраивают их собственные народы, и которые незамедлительно сменят своих одиозных правителей. В большинстве стран такие кандидатуры уже ждут своего часа, и усиленно готовятся к переменам. То есть, речь идет о том, чтобы в принудительном порядке избавиться от тех глав государств, от которых исходит реальная угроза развязывания войны с применением оружия массового уничтожения. Да, учти, еще, сынок, Китай не входит в это число. Договориться с их агентами у нас пока не получилось хотя, думаю, что это вопрос времени. Однако мне уже достоверно известно, что после наших нескольких неудачных попыток, хотя бы обговорить с ними вопросы своего проекта, они устроили наглую и откровенную охоту за нашими сотрудниками. Они поставили своей целью, во что бы то ни стало выяснить, что за мировой заговор зреет за их спинами, и к каким последствиям для их государства он может привести. Как тебе известно, их представители в нашей стране чувствуют себя довольно вольготно, но в то же самое время они ощущают неподдельный страх за свою

собственную жизнь со стороны своих же коллег. Они прекрасно понимают, что даже при одном только малейшем подозрении на предательство или тайный сговор с кем – либо из

спецслужб чужого государства, их могут без суда и следствия расстрелять не только в своей собственной стране, но и далеко за ее пределами. Я полагаю, что именно это обстоятельство, в основном, и удерживает их от откровенных бесед с нами. Их агенты очень сдержанны, скованны, медлительны и абсолютно не свободны в своих действиях, что совершенно не мешает им действовать на опережение, глобально и масштабно. После первой же осторожной и ненавязчивой беседы с одним из их представителей, они все словно по команде тут же затаились в своих норах, а месяц спустя, подключили своих коллег-дублеров, и стали с завидным упорством шпионить повсюду за нашими ребятами. У них довольно большое число подкупленных людей в спецслужбах многих стран, и я с полным основанием допускаю, что и у нас, возможно, сидят глубоко законспирированные кроты, сливающие им всю секретную информацию из нашей конторы. Китайцы очень прижимистые и расчетливые люди, но при этом они никогда не жалеют никаких средств для своих агентов, довольно щедро оплачивая любые, даже мало-мальски значимые для них сведения. Прошу тебя, полковник, с этих пор быть предельно осторожным, внимательным и осмотрительным, где бы, и с кем бы ты не находился. Не исключено, что они и тебя, как одного из наиболее заметных фигур нашего секретного ведомства, постараются взять под свое наблюдение, и начнут отслеживать каждый твой шаг. Вся наша конспирация может в определенный момент не сработать, и тогда придется искать запасные варианты, меняя целиком всю тактику.

Генерал сделал глубокий вдох, отсел от стола на полметра, вытащил из пачки еще одну сигарету, и снова закурил, вглядываясь в растерянные глаза своего собеседника.

– Это пока вся информация, что у меня есть на данный момент, – заключил он, минутой позже, выпустив в сторону клубы дыма, – все остальные и более точные сведения ты получишь во время проведения закрытой встречи, и из первых рук.

– Я не совсем понимаю, Грэг, мы что, готовим мировую революцию, и должны теперь остерегаться каких – то проходимцев в своей собственной стране?! – спросил Джейсон, после некоторой паузы, с подчеркнутым негодованием в голосе, и, взглянув на генерала с недоумением, стиснул зубы, и покачал с ухмылкой головой.

Грэг с трудом изобразил на лице искусственную улыбку, сжал губы, и не произнося больше ни слова, лишь утвердительно кивнул своему собеседнику. Затем он медленно оттянул правый рукав, посмотрел на свои часы, и, застегнув на куртке молнию, рассовал по карманам полупустую пачку сигарет, зажигалку и носовой платок.

– Ну, все, полковник, мне пора, время поджидает, – сказал он, каким – то официальным тоном, – нам надо уже расходиться. Встречаемся с тобой завтра, в аэропорту Хитроу, в терминале вылета, в 14.00. Уйдешь из бара только через полчаса после меня. Надеюсь, ты все правильно понял?

– Да, шеф, установка ясна, – сухо ответил полковник, – встретимся завтра.

Генерал поднялся бодро из-за стола, переставил стул к столу, низко натянул на лоб свою кепку, и не глядя больше по сторонам, направился резвым шагом к выходу.

Джейсон просидел в баре еще ровно тридцать минут, размышляя над грустными словами своего наставника, и пытаясь осознать его речь, вызвавшую у него не то тревогу, не то озабоченность. Он взглянул в очередной раз на часы, застегнул на все пуговицы свой плащ, зажал под мышкой зонт, и вышел не спеша на улицу, где чистый свежий воздух вернул ему ощущения комфорта и свободы. Полковник прошел метров сто вдоль припаркованных у тротуара автомобилей, остановился на углу дома у витрины бутика, и достав из заднего кармана брюк мобильный телефон, включил его, и двинулся медленным шагом в обратную сторону. Дождавшись характерного звука при подключении, он вновь остановился, поднял ворот плаща, набрал номер своей супруги, и поднес телефон к уху. В последнее время он сильно переживал за Кэтрин, которая, почему – то, стала часто уединяться в своей комнате, и запирается в ней на ключ. Он подозревал, что с ее здоровьем творится что – то неладное, но говорить об этом та наотрез отказывалась, и на каждый его вопрос, что с ней происходит, с улыбкой отшучивалась, и уходила от ответа.

– У тебя все в порядке, милый? – услышал он через несколько секунд ее вялый заспанный голос, – Когда мне ждать тебя дома?

Зная специфику работы своего мужа, Кэтрин научилась за эти восемнадцать лет супружеской жизни, не задавать ему по телефону лишних вопросов, и всегда была при этом предельно лаконична. И на этот раз, ограничившись лишь двумя фразами, она еле слышно чмокнула в трубку, и затаила дыхание, чтобы лучше расслышать его ответ.

– Не переживай, любимая, у меня все хорошо, – прошептал таким же тихим голосом, словно их кто – то мог подслушать, – Все дела я уже закончил, и думаю, что в течение полутора

часов буду дома. Но ты меня не жди, и ложись сразу же спать, а то чувствую, что язык у тебя еле ворочается от усталости. Целую, милая!

Едва она вышла из связи, он вызвал такси, которое оказалось совсем рядом от бара, покинул уже через минуту центр Лондона, и въехал без четверти два ночи в Базилдон.

Дети к тому времени давно уже спали после довольно утомительных трудов по дому, а Кэтрин стояла у плиты на кухне, и что – то старательно готовила для своего благоверного, зная, что тот придет домой, как всегда уставшим, и как обычно голодным.

Весь их огромный особняк сиял от безупречной чистоты, праздничного убранства и развешанных повсюду различных ярких украшений, цветных гирлянд и всевозможных бумажных поделок в виде птиц и зверей, изготовленных хрупкими детскими ручками. Джейсон поздоровался с порога со своей супругой, выскочившей к нему навстречу, нежно поцеловал ее в щечку, и повесив плащ на вешалку, прошелся по всем комнатам, с улыбкой оценивая результаты проведенной накануне генеральной уборки. Когда осмотр был окончен, он принял наскоро душ, переоделся в домашний халат, и направился в кухню, где его ждало овощное рагу с тушеным лососем и стакан любимого сливового сока.

Несмотря на отсутствие аппетита из-за тяжелой, напряженной и гнетущей беседы с генералом Адамсом, он быстро управился с поздним, но аппетитным ужином, выпил сока, и, искренне поблагодарив Кэтрин за заботу и внимание, нежно поцеловал ее руку.

– Я так устал сегодня, любимая, как никогда прежде, – промолвил он, отложив салфетку в сторону, и подперев обеими руками подбородок. – Собирался, провести эти выходные с вами, чтобы выехать вместе за город, на лоно родной природы. Так хотелось побродить по лесу, подышать свежим воздухом, сделать барбекю, и отвлечься, хотя бы на день – другой от суеты и дел насущных. Но, к сожалению, мне надлежит завтра вылететь на несколько дней в Вашингтон. У меня снова образовалась очередная командировка. Прошу тебя, собери мне, пожалуйста, сумку!

Он медленно поднялся затем из-за стола, нежно обнял свою супругу, которая вдруг потупила взгляд, погладил ее по шелковистым волосам, поцеловал ее скрещенные на груди руки, и словно боясь, что его кто – то услышит, шепнул на ухо ласковым голосом:

– Я очень люблю тебя, моя ненаглядная. Мне так не хочется уезжать из дома, да и устал я от этих бесконечных вояжей по всему миру. Но ты же знаешь, милая, что я не могу поступить иначе. Пока есть силы, я должен с честью, достоинством и с полной отдачей служить нашей любимой королеве, своей великой родине и не менее великому народу. Однако обещаю тебе, что когда вернусь домой, мы устроим с тобой настоящий праздник с грандиозным фейерверком, и от души повеселимся!

Кэтрин была для Джейсона не только прекрасной верной женой и заботливой матерью их детей, но и надежным другом и верным помощником практически во всем.

За все восемнадцать лет совместной жизни, он ни разу не слышал от нее слова разочарования в чем – либо или жалобы на тяготы семейной жизни, которых хватило на ее веку сполна. Она во всем и всегда сохраняла завидное спокойствие, такт, хладнокровие и нежный любящий взгляд без остатка преданной ему супруги. Он по праву гордился ею, почитал почти, как святыню, считая ее идеалом настоящей женщины, и ради нее готов был на любые подвиги, а если потребуется, то и на любые, самые сакральные жертвы.

– И я тебя очень люблю, милый мой, – ответила она ему, с улыбкой, ласково прижавшись головой к его широкой груди, – не стоит так переживать из-за этого, Рождество – то, я надеюсь, мы все равно встретим вместе. Дети так старались, так много сделали сегодня по дому, что после нашего позднего ужина, сразу же уснули, едва коснувшись своих кроватей. Они очень ждали тебя, хотели услышать твою оценку своим самоотверженным трудам. Им так не терпелось похвастаться перед тобой своими яркими художествами, но, увы, усталость взяла свое, и я не стала их долго удерживать.

Глаза Кэтрин уже слипались. Не в силах уже скрывать откровенную зевоту, она с вялой улыбкой чмокнула своего мужа в щечку, выключила на кухне свет, и обхватив его могучую руку своими теплыми нежными ладошками, проводила в спальню.

На следующее утро, в половине шестого, стараясь не разбудить супругу, Джейсон тихо накрыл ее оголенные бедра теплым ватным одеялом, накинул на себя домашний халат, и чтобы шум струящейся под напором воды не беспокоил его домочадцев, решил воспользоваться ванной на первом этаже. Контрастный душ придал ему бодрости, и избавил на некоторое время от тягостных мыслей, которые одолевали его минувшей ночью. Он поднялся снова на второй этаж, заглянул в комнаты, где спали его дети, прислушался к их безмятежному и сладкому сопению, и стоя неподвижно в дверях у каждой из них, долго любовался их миленькими детскими личиками, на которых застыли нежные улыбки. Затем, спустившись вновь на первый этаж, он неторопливо приготовил себе завтрак, заварил крепкий кофе, и открыл бутылку прохладной минеральной воды. Однако аппетит отсутствовал напрочь. Мысли о вчерашней нелегкой беседе с генералом Адамсом, которая впервые за долгое время службы вызвала у него какое – то внутреннее напряжение, вернулись к нему вновь, отбив всякое желание, даже притронуться к еде. Он выпил стакан минеральной воды, поставил стул у окна, взял чашку кофе в руки, и сел, поджав под себя правую ногу. Джейсон сидел минут двадцать неподвижно, уставившись в одну точку, и размышляя о своей семье, о своей многолетней и безупречной службе во славу своей любимой Королевы и во благо народа прекрасной страны Великобритании. Больше всего полковника Коллинза беспокоила в этот момент неизвестность, связанная с предстоящей поездкой в США, которая на этот раз, почему – то, представлялась ему довольно странной, загадочной, совершенно непредсказуемой, и выходящей за рамки его обычных служебных заданий. Он поднялся медленно из-за стола, поставил недопитую чашку на блюдце, и лениво потянувшись вверх руками, ушел в свой рабочий кабинет, который находился на втором этаже, в конце коридора, справа. Его кабинет также, как и весь просторный дом, был празднично украшен детьми игрушками, открытками и разноцветной мишурой, что не могло не вызвать у него вновь радостной улыбки. Внимательно оглядев все помещение, которое напоминало ему теперь больше сцену детского театра, чем рабочее место, он присел за стол, обставленный маленькими стаканчиками с цветными ароматическими свечками, сделал очередную короткую запись в своем толстом дневнике, который вел на протяжении последних восьми лет, и проверил свою электронную почту. Каждое движение Джейсона, каждый его мягкий клик по клавиатуре неизменно сопровождался в этот момент глубоким вздохом. Он никак не мог избавиться от ощущения непреодолимой тревоги, которая прочно засела у него в голове, и даже маленькая забавная синичка, постучавшаяся внезапно своим крохотным клювиком в окно, не смогла изменить сосредоточенного выражения его лица.

– Нет, полковник Коллинз, так дальше не может продолжаться, надо срочно привести себя в боевую готовность, и избавиться от этих неприятных ощущений, – прошептал он себе под нос, и плотно закрыв за собой дверь, тихо спустился по широким ступенькам вниз. Желая, поскорее избавиться от гнетущего его состояния, он быстро переоделся в спортивную форму,

выскочил во двор, и сделав во дворе небольшую легкую разминку, побежал в сторону городского парка, чтобы совершить свой утренний кросс.

Спустя полчаса, весь уставший и взмокший, но уже сияющий довольной улыбкой, он вернулся в дом, принял горячую ванну, переоделся в свой обычный домашний наряд, и снова зашел на кухню, чтобы утолить внезапно возникшее чувство голода. Кэтрин уже вертелась у плиты, облачившись в свой любимый розовый фартучек в белый горошек и в такого же цвета поварской колпак. Увидев мужа, она радостно улыбнулась ему, слегка прищурила свои серо-голубые глаза, и мурлыча, провела носом по его подбородку.

– А почему ты сегодня не завтракал, милый, все приготовил, но есть не стал? – спросила она, ласковым голосом, ставя на стол его вновь подогретую яичницу

беконом, – давай-ка, присаживайся быстренько за стол, и не жди, пока она снова остынет. Неизвестно, когда ты еще сможешь спокойно покушать. У тебя же постоянно какие – то срочные дела, и вечно ни на что не хватает времени, даже на свой завтрак.

Настроение Джейсона заметно изменилось. Разыгрался настоящий аппетит, и мысли о неизвестной и таинственной поездке в США, беспокоили его уже гораздо меньше.

– Спасибо тебе, милая, за заботу, – ответил он, вежливым тоном, обняв ее сзади за хрупкие плечи, и поцеловав в тонкую шею, – теперь, пожалуй, я действительно позволю себе перекусить, а то еще час назад ничего в рот не лезло.

Он потер с улыбкой руки, опустился за стол, прочитал шепотом молитву, и принялся с удовольствием уплетать свое излюбленное блюдо, ставшим за все эти годы привычным. Кэтрин настрогала себе салат из овощей, добавила туда тунца, залила все это оливковым маслом, и присела напротив, нежно поглядывая на своего любимого супруга. Они ели неторопливо, смакуя каждый кусочек своего блюда, и перекидываясь время от времени комплиментами, мило улыбались друг другу. Им нечасто удавалось посидеть в светлое время суток наедине, и вдоволь насладиться нежными и любящими взглядами друг друга:

то вездесущие дети надолго затянут к себе, и привлекут к своим школьным занятиям, домашнему чтению или веселым игровым забавам; то противный громкий телефон позвонит совсем не кстати. То тревожный скорый вызов на службу последует от уважаемого шефа. А то и родители Джейсона или Кэтрин позвонят из далекой Австралии. После завтрака Кэтрин осталась на кухне, чтобы прибраться, и приготовить для детей их любимые утренние блюда, а Джейсон поднялся снова в свой разукрашенный детьми кабинет, вновь с улыбкой полюбовался их замысловатыми художествами, и настежь открыл одну из створок широкого окна. Он глубоко и с наслаждением вдохнул свежего прохладного воздуха, взгромоздился в огромное кресло с матерчатыми подлокотниками и выдвижной подставкой для ног, откинулся на его мягкую сетчатую спинку, и включил телевизор. Часы на стене показывали 8.30 утра. Прослушав последние новости по БИ-БИ-СИ, он переключил телевизор на свой любимый канал «Дискавери Чэнел», убавил звук, и опустив дистанционный пульт на пол, положил руки на подлокотники. Вскоре, невольно погрузившись вновь в размышления о предстоящей командировке и своей роли на тайной встрече, он вытянул до упора ноги, медленно склонил голову к груди, и тихо задремал.

Кэтрин приготовила к тому времени завтрак для детей, поднялась к ним в спальню, и вполголоса позвала их в столовую. Но, видя, что те совершенно не реагируют на ее зов, продолжая сладко посапывать в своих кроватях, она не стала звать их дважды, и тихо прикрыв за собой двери, решила заглянуть в кабинет своего супруга, из которого несло резкой прохладой.

дой. Джейсон уже дремал в своем кресле, полулежа, поджав под себя ноги, обхватив руками плечи, и съезжившись в комочек. Еле слышно работал телевизор, на экране которого демонстрировались увлекательные кадры о романтических золотоискателях на Аляске. Осторожно, стараясь не разбудить заметно озябшего мужа, она укрыла его толстым, мягким шерстяным пледом, выключила телевизор, и, наглухо закрыв распахнутое окно, зашторила его, и бесшумно спустилась на первый этаж.

Прошел ровно час, и Джейсон проснулся уже довольно бодрым и в прекрасном расположении духа. Он ополоснулся в ванной холодной водой, затянул широкий пояс на домашнем халате, и шепотом напевая себе под нос любимую мелодию из песни Фила Коллинза «Мама», сбежал вприпрыжку по ступенькам на первый этаж.

– Спасибо тебе, милая, что укрыла меня пледом, – молвил он, подойдя к супруге, и нежно поцеловав ее в щечку, – а то я так озяб, а встать самому, и закрыть окно, было невыносимо лень. мне надо выезжать через час в аэропорт, так что, давай, любимая, буди, пожалуйста, наших ребятшек. Уж очень хочется повидать их всех перед отъездом. Кто знает, сколько дней мне предстоит провести в Америке. Заодно и повинюсь перед ними за свое вчерашнее опоздание. Надеюсь, они не в обиде на меня!

В это время сверху раздались громкие голоса проснувшихся детей, потом частый топот босых ног по полу, а затем и гулкий шум льющейся под напором воды в ванной.

– Ну вот, видишь, и будить не пришлось! Слава нашему Господу, сами поднялись! – весело воскликнула Кэтрин, глянув на Джейсона ласковым взглядом, — поплещутся сейчас немного, переоденутся, и примчатся к тебе, обгоняя друг дружку.

Сначала Рикки, а следом и Мэри с Роуз поочередно, одетые и аккуратно причесанные, буквально высыпали через десять минут на лестничную площадку. Увидев еще со ступенек своего любимого отца, которого им так не хватало минувшим вечером, они отчаянно замахали руками, завизжали от радости, и кинулись к нему в нежные объятия.

– Папа, папочка, – кричали они, перебивая друг друга, – ты видел, как здорово мы справились с заданием, и украсили наши родные апартаменты? Смотри, как чисто и уютно стало в нашем доме! Мы с мамой все перемыли, все перечистили, нарядили все комнаты, и твой рабочий кабинет в том числе привели в праздничный наряд!

Джейсон радостно заулыбался, расцеловал всех троих, нежно обхватил их своими могучими руками, и ласково потрепал каждого по аккуратно уложенным волосам.

– Спасибо вам, миленькие мои, – ответил он, довольным голосом, – конечно же, я все уже давно осмотрел, везде облазил. Вы превратили наш прекрасный дом в настоящую сказку, и даже мой кабинет не обошли своим вниманием, создав в нем неповторимый колорит. Вы у меня просто настоящие молодцы! Я очень горжусь вами!

– Ну – ка, детвора, скоро вы там закончите обниматься и целоваться со своим отцом? – послышался в этот момент веселый и громкий голос Кэтрин из кухни, – Идите же, скорее завтракать, я давно уже все накрыла, и устала ждать вас!

– Идем уже, мама, – хором ответили дети, и смачно чмокнув своего папу, взяли его с двух сторон за руки, и дружно направились с ним в обнимку в столовую.

Вся семья вновь была в сборе, где сидя за столом, каждая из девочек рассказала отцу о своих успехах в колледже, о любимых предметах, которым она отдает больше предпочтений, о добрых и чутких преподавателях, и прочитанных в последние дни новых книгах. Рикки охотно поделился с отцом своими планами создать за ближайшую неделю новую компьютерную программу, и представить ее на конкурс, который намечался в Лондоне в конце января следующего года. Джейсон с неподдельным интересом слушал своих детей, время от времени поглядывая мельком на часы, которые висели над дверью столовой, и продолжал кивать с улыбкой головой каждый раз, когда кто –нибудь из них пытался заострить его внимание на сказанном. Наконец, насладившись вдоволь общением, и дождавшись, пока они закончат свой завтрак, он глянул в очередной раз на большой циферблат напольных часов, и поднялся медленно из-за стола.

– Ну, вот и все, дорогие мои ребятки, – сказал он, ласковым голосом, – мне предстоит лететь на несколько дней в США, в командировку. Мой рейс сегодня в 14.00. Так что, прошу, не обижайтесь, что вынужден снова покинуть вас, и отложить на время наши планы. Не переживайте, обещание мое остается в силе, но только переносится.

Ребятишки заметно погрустнели от того, что и этот уикенд им снова придется провести без папы, но понимая, что не в их силах, что – либо изменить, молча, переглянулись между собой, и кинулись к отцу в объятия. Джейсон ушел через минуту к себе, переоделся в строгий темно – синий выходной костюм, завязал на шее галстук бордового цвета, внес в своей дневник несколько новых строчек, и спустился в гостиную, где у двери прихожей его уже ждали заметно расстроенные ребятишки и улыбающаяся с тоской супруга Кэтрин с его пальто, перекинутым через руку. Проводы длились недолго. Он снова расцеловал по очереди Роуз, Мэри и Рикки, потрепав их ласково за волосы, надел пальто и шляпу, нежно чмокнул Кэтрин в губы, и бережно прижал ее к себе.

– Я очень люблю тебя, милая, – шепнул он ей на ухо, – и буду невыносимо скучать. Как только закончу дела, я сразу же дам тебе знать. А когда вернусь, мы с лихвой компенсируем эту разлуку, закрывшись надолго в своей спальне. Договорились?

Подступивший к горлу комок не позволил Кэтрин ответить своему супругу. Она лишь, молча, протерла глаза, глянула на него с улыбкой, и опустила голову.

На улице Джейсона уже ждал персональный водитель Грэга – Дэниэл на темном Лэнд Ровере. Он учтиво поздоровался с полковником, открыл для него заднюю дверцу, и, дождавшись, когда тот опустится на сиденье, мягко захлопнул за ним дверцу автомобиля.

– Господин генерал, Коллинз сидит уже у меня в машине, – доложил он по телефону своему шефу, – и сейчас мы выезжаем из Базилдона.

После короткого доклада, он установил телефон на подставку, медленно тронулся с места, вышел вскоре на оживленную автостраду, и нажал до конца на гашетку.

Спустя полтора часа, ловко пробиваясь сквозь многочисленные заторы, автомобиль генерала вырулил на спецстоянку аэропорта Хитроу, и занял свободное место в парковке.

Джейсон крепко пожал руку лихого Дэниэла, вежливо поблагодарив его за службу, прихватил свой небольшой кейс, и зашагал твердой поступью к терминалу вылета.

Генерал Адамс, как и обещал, уже ждал его у стойки справочного бюро в сопровождении двоих сотрудников особого отдела, и изучающе вглядывался в лица снующих повсюду пассажиров. Разговор офицеров был коротким. Грэг крепко пожал руку своему бравому агенту, вручил ему билеты и папку с рабочими документами для участия в заседаниях комиссий НАТО, и взглянул на него с прищуром.

– Будь там на этот раз особо внимателен, и предельно собран, полковник Коллинз, – сказал он, выдавая ему последние напутствия, – нас ждет довольно серьезная и крайне опасная игра. Если за это время у тебя появится стоящая информация, то звони мне только по нашему закрытому каналу связи, или отправь сообщение по тому же каналу. Что ж, сынок, желаю тебе удачного полета и мягкого приземления в Вашингтоне!

Он сжал перед собой ладони, произнес шепотом молитву, и вновь крепко пожав руку своему бравому агенту, хлопнул своего агента по плечу, и направился тут же к выходу.

Джейсон убрал полученный пакет в свой компактный кейс, ознакомился с билетами на рейсы туда и обратно, и, подойдя к кабинке паспортного контроля, просунул в окошко билет до Вашингтона и свой паспорт. Офицер быстро пролистал в нем несколько страниц, поставил штамп об убытии из Лондона, вернул с улыбкой его документ, и пожелал пассажиру счастливого полета. Полковник Коллинз также вежливо улыбнулся служителю погранично службы с ответ, поблагодарил его за добрые пожелания, и крепко сжав ручку своего кейса, зашагал уверенной поступью в сторону зоны вылета своего рейса, которого мелодичный женский голос уже объявил по терминалу.

Вскоре, огромный авиалайнер медленно вырулил на выделенную взлетную полосу, разбежался до скорости более двухсот миль в час, и еще через несколько секунд, резко задрав кверху свой массивный нос, оторвался плавно от бетонной поверхности, взмыл в ярко – голубое солнечное небо, и стал быстро набирать высоту.

Полет на комфортабельном лайнере прошел в штатном режиме, и, спустя семь часов и тридцать минут Боинг произвел мягкую посадку в аэропорту Далласа в Вашингтоне. Джейсон прошел вновь паспортный контроль, вышел из терминала прилета и сжимая в руке свой кейс, направился к стоянке частного автотранспорта, где как и было условлено заранее, его должна была ждать «Тойота» седан серого цвета с номером, известным только ему. Он еще издали заметил искомый автомобиль, припаркованный во втором ряду длинной вереницы многочисленных автомашин, прошел сначала мимо него, а затем, вернувшись назад, легонько постучал пальцами в окошко лобового стекла.

Коротко стриженный молодой водитель, с виду военный в гражданской одежде, сидевший с закрытыми глазами за рулем, и увлеченно слушавший музыку, сразу же выключил приемник, глянул на незнакомца, и открыл заднюю дверцу автомобиля.

– Добрый день, сэр, – поздоровался с ним Джейсон, вежливым голосом, – вы случайно не меня ждете?

– Так точно, мистер Коллинз, именно вас и жду, – ответил парень учтивым голосом, и, представившись Стивом, повернулся к нему, и добавил с мягкой улыбкой: – Добро пожаловать в Вашингтон, сэр! Судя по спокойному выражению лица и добродушному голосу, ваш длительный перелет прошел прекрасно, не так ли?

– Благодарю вас, Стив, полет действительно был превосходным, – ответил Джейсон, не меняя своего мягкого дружеского тона, – даже и не заметил, как быстро пролетели эти семь часов, и я вновь оказался в этом прекрасном городе.

Стив тут же завел двигатель Тойоты, ловко выехал из тесного ряда парковки, круто развернулся на небольшом пяточке, и резво направился в сторону автостреды. Проехав всего три мили, он включил сигнал правого поворота, и остановился сзади стоящего у обочины «Додж – Караван» белого цвета с наглухо затонированными стеклами.

– Вам необходимо пересест в ту машину, мистер Коллинз, – сказал Стив, указав на нее кивком головы, и добавил, не поворачиваясь, – удачного вам дня, сэр!

– Благодарю вас, дружище, – так же коротко ответил Джейсон, – я также искренне желаю вам удачного дня, и надеюсь, что скоро вновь пересечемся с вами!

В «Додже», на заднем сиденье сидел человек, которого полковник сразу же узнал по встрече двухлетней давности, которая состоялась в штаб-квартире НАТО в Брюсселе.

Это был Курт Райнер. В молодые годы, во времена существования ГДР, он более шести лет проработал кадровым сотрудником в Штази – одной из самых известных секретных служб не только бывшего социалистического лагеря, но и всего мира. А ныне он представлял один из особо засекреченных отделов аналитического управления ЦРУ, являясь его незаменимым сотрудником, к советам и рекомендациям которого прислушивались главы его новой секретной службы, и по праву слыл ее высококлассным разведчиком. При объединении Германии, Штази была предана, как своим руководством, так и советским КГБ, под контролем и незримым диктатом которого она и существовала. Большая часть архива этой службы попала в тот период в руки спецслужб США, которые с огромной пользой для себя использовали ее во времена распада Советского союза, и продолжали черпать до сих пор бесценную информацию из ее многотомных собраний. Наиболее важными в этом архиве были сведения об агентурной сети Штази, в списках которых значились высокопоставленные чиновники многих стран мира. В первую очередь, это касалось политического бомонда бывшего Советского союза, в том числе и высшего руководства этой страны. Особая роль в этих архивах отводилась подающим надежды, наиболее талантливым и перспективным в будущем представителям молодежи, которые были наиболее близки к науке и сфере управления, отличаясь от остальных талантом, заметным упорством и тщеславием. Как следовало из этих источников, многих из них успели в свое время обработать, и без особого труда склонить к сотрудничеству. Ключевую роль в расшифровке и классификации этих сведений и их дальнейшего применения сыграл Курт Райнер. Ему предоставили все необходимые условия для плодотворной работы во благо новой родины, и наделили полномочиями советника ЦРУ. Этот человек за сравнительно короткий период времени стал особой фигурой в иерархии новой службы, благодаря своим незаурядным способностям и безупречной дисциплине.

– Если сам легендарный Курт Райнер персонально встречает меня, – подумал Джейсон, – то вопросы, которые мне предстоит решать на этот раз, действительно очень важные и чрезвычайно серьезные. Следовательно, генерал Адамс неспроста встречался со мной тайно, подальше от посторонних глаз, облачившись для этого в смешную клоунскую одежду. Ай да Грэг!

Он был заметно заинтригован неожиданной встречей с Райнером, но постарался предстать перед ним спокойным и уверенным в своих действиях человеком.

– Рад снова приветствовать вас, Курт, – обратился он к нему, садясь в машину, и, протягивая ему руку, – давненько мы не виделись с вами. Наверняка затевается, что – то масштабное, раз именно такую солидную личность прислали, чтобы встретить меня здесь. Весьма польщен!

– Да, мистер Коллинз, вы совершенно правы, – ответил Курт, крепко пожав руку своему давнему знакомому, – нас с вами действительно ждут дела чрезвычайной важности и значимости. Я очень рад, что именно вас прислали к нам на заседания НАТО, и должен заметить, что ваш завидный послужной список, огромный теоретический и практический опыт и особые рекомендации генерала Грэга Адамса по-настоящему впечатлили не только меня. А по сему, вы можете с этого дня твердо рассчитывать на меня, как на своего друга, и считать своим верным спутником.

Он снова, по-дружески пожал его руку, подал знак водителю, и медленно тронувшись с места, машина выехала на трассу, и понеслась на высокой скорости в сторону столицы. Весь путь до резиденции Райнера занял чуть более двух с половиной часов. Наконец, подъехав к небольшому одноэтажному дому в пригороде Вашингтона, Джейсон вздохнул с облегчением, вышел вслед за Куртом из машины, и расправил плечи.

– А вот и мое скромное жилище, – сказал Курт, отперев калитку, и указав рукой на свой дом, – прошу вас, полковник Коллинз, входите, не стесняйтесь. Вам обязательно понравится у меня, даже и не сомневайтесь. Мы с вами для начала слегка перекусим, после чего прогуляемся немного, а затем, если согласны, можем и отдохнуть.

– Благодарю вас, Курт, здесь и в самом деле довольно уютно, – отреагировал Джейсон на любезное к себе отношение хозяина, мысленно сравнивая свой добротный дом с этим небольшим, но комфортным с виду жилищем, – А эта восхитительная природа вокруг навеивает приятные мысли, и даже располагает к лирической поэзии.

– Прощу за мной, приятель, – сказал Курт, войдя в прихожую, – я покажу вам апартаменты, где вы сможете переодеться и отдохнуть.

Он проследовал размашистым шагом вперед по коридору, остановился у одной из дверей, широко распахнул ее, и вручил своему гостю ключи.

– Вот ваша комната, полковник Коллинз. Располагайтесь! – Заявил он с улыбкой, – Здесь есть для вас все необходимое, в том числе и спортивный костюм вашего размера, которого вы вряд ли захватили с собой. Я знаю, что вы не мыслите себя без спорта и тренировок, поэтому, прошу вас, примерить эту форму сразу, чтобы в случае его несоответствия вашим габаритам, я смог бы поменять его с утра. Туалет и ванная расположены в конце коридора, слева. Полотенца и халаты свежие. Я пойду сейчас на кухню, и приготовлю нам чего –нибудь съестного, а вы, дружище, спокойно переоденьтесь пока в своей комнате, и проходите затем в столовую, я буду ждать.

Джейсон был искренне тронут неподдельным вниманием к себе и заботой более старшего по возрасту человека, которого, даже в его родной конторе считали примером высококлассного разведчика и бесконечно преданного своему делу профессионала. Он за несколько минут действительно почувствовал себя здесь, как дома, если не считать того, что ему не хватало в этом

гнездышке только своей семьи, которая осталась очень далеко отсюда, за океаном, и по которой полковник начинал уже скучать. Он повесил пальто и шляпу на вешалку, переобулся в тапки и не выпуская из рук кейса, смело вошел в помещение. В просторной комнате с двумя большими окнами, выходящими в небольшой садик, пахло свежестью полевых цветов и ароматом экзотических фруктов. Светло – оранжевый цвет обоев придавал ей дополнительные ощущения тепла и уюта. Здесь было все, что необходимо человеку для полноценного отдыха и работы: небольшой умывальник справа от входной двери, несколько копий картин именитых художников на стенах, телевизор, компьютер со сканером и принтером, холодильник, массивный сейф, мебельный гарнитур, состоящий из десятков предметов, а также несколько горшков с цветами. Джейсон поставил кейс у сейфа, выложил телефоны на стол, и внимательно осмотрев вновь свою комнату, плюхнулся в роскошное кресло, и включил телевизор. Он пощелкал по каналам, нашел лондонскую новостную службу «БИ-БИ-СИ», прослушал

последние известия, которые не выдали за прошедший день ничего существенного, и нехотя поднявшись затем с уютного кресла, переоделся в спортивную форму. Костюм,

предоставленный Куртом, и в самом деле оказался ему впору, будто сшитый для него по заказу, и сидел на нем, как литой, что невольно вызвало у полковника довольную улыбку. Он походил пару минут по комнате, сцепив за спиной пальцы рук, а потом, положив в карман один из своих телефонов, глянул на себя в зеркало, и направился в столовую.

Как истинный немец, Курт поставил на стол бутылку немецкого Рислинга для себя и бутылку шотландского виски для своего дорогого гостя. Он поджарил свои любимые маленькие немецкие колбаски, сделал овощной салат, открыл баночку маринованных шампиньонов, и отварив макароны, присел на небольшом диванчике, поставив перед собой журнальный столик. Райнер сидел, держа в руках свежий номер газеты «Вашингтон пост», и в ожидании своего гостя, проводил беглый обзор статей, связанных с политикой. Увидев Джейсона в спортивном костюме, он довольно улыбнулся, обрадовавшись тому, что не ошибся в выборе соответствующего его атлетической фигуре размера, и пригласил его вежливым тоном за стол.

– У вас дома, наверное, другая кухня, Джейсон, – сказал он, с приятной улыбкой на лице, назвав его уже по имени, – но, думаю, что и моя нехитраястряпня удовлетворит ваш изысканный британский вкус. За многие годы службы я научился, слава богу, и этому тонкому ремеслу, с которым, на мой взгляд, я справляюсь успешно.

Райнер выдвинул из за стола громоздкий, обтянутый толстой кожей стул, усадил гостя напротив, и слегка придвинул к нему тарелку, рядом с которой лежали столовые приборы.

– Я знаю, вы любите больше виски «Джек Дэниелс», – продолжил он, взяв в руки бутылку, – специально ездил за ней вчера вечером в город. А я предпочитаю сухое или полусухое вино, хотя, иногда, после долгих часов кропотливой и изнурительной работы, позволяю себе выпить пару – другую кружек прохладного пива «БАД», сидя в одиночестве дома перед телевизором, либо за чтением книги.

Он налил Коллинзу полный бокал его родного виски, наполнил свой сосуд сухим Рислингом, специально привезенным для него по заказу из Германии, и подмигнул ему.

– За нашу встречу, Джейсон! – произнес он, торжественным тоном, вытянув на середину стола руку с изящным хрустальным бокалом.

– За нашу необычную, но приятную встречу! – ответил Коллинз, бережно обхватив двумя пальцами тонкую ножку хрупкого сосуда с его любимым напитком, от которого исходил зна-

комый ему с давних пор мягкий дубовый аромат. Чокнувшись, и посмотрев прямо в глаза друг другу, они выпили, неторопливо смакуя маленькими глоточками до дна, а затем, отставив в сторону пустые бокалы, принялись за аппетитно пахнущие колбаски с салатом и шампиньонами. Коллинз сытно поел еще на борту самолета, и не ощущал особого чувства голода, однако он ни за что не смог бы отказаться от столь вкусного угощения радушного хозяина, и стал ловко орудовать ножом и вилкой.

Покончив вскоре с прекрасным ужином, и выпив еще по бокалу, они посидели минут десять за столом, непринужденно беседуя о личной жизни и служебных делах, после чего, накинув на себя куртки, вышли во двор, и направились неторопливым шагом в сад.

Стояла промозглая, сырая погода, которая навевала не очень радужные мысли. На улице уже накрапывал мелкий противный дождь. Теплый воздух, который держался несколько часов, вдруг резко сменился на прохладный ветер, неся с собой чувство тоски.

– Не решился, спросить тебя сразу, Курт, – повернулся к нему Джейсон, шедший впереди, – но все же, где твоя семья? Что – то я не заметил ни женских духов перед зеркалом, ни дамских шампуней в ванной, и даже ни одной игрушки в доме. Неужели, ты живешь здесь в одиночестве?

– О, друг мой, – вздохнул Курт тяжело, – это долгая и неприятная история из моей прежней, и не очень веселой жизни. После объединения Германии, я, разумеется, потерял работу, и два года скитался в поисках нового места службы. Но от меня вежливо отказывались везде, куда бы я не приходил, считая не совсем благонадежным для нового отечества. Затем я пришел к знакомому резиденту КГБ в Берлине за советом, который,

сделав звонок в Москву, тоже открестился от меня. Следом и жену мою, также вежливо вынудили уйти из школы, где она преподавала Русский язык. Нашему сыну было в ту

пору всего лишь полтора года, и мы с супругой кое – как умудрялись одеть, и накормить его, вообще не думая о себе. Наши отношения с женой с каждым днем становились все хуже и хуже, и, наконец, вернувшись с очередного похода в Советское консульство, она заявила, что ей предложили работу в Москве, и она уже дала свое согласие на переезд. После этого мы допоздна просидели с нею на лавочке перед домом, обсуждая предстоящее расставание, которое к тому времени стало уже практически неизбежным.

Я был твердо настроен на то, чтобы любыми путями сохранить семью, хотя бы ради нашего любимого сына Маркуса, но Линда и слушать не захотела, сославшись на то, что она уже сделала свой окончательный выбор. Надо признать, что прежней любви друг к другу ни у нее, ни у меня уже давно не было, и я сдался без особого сопротивления. Через неделю они вылетели в Москву, и я надолго потерял с ними связь, наслаждаясь только сохранившимися старыми пожелтевшими фотографиями с их улыбающимися лицами.

Я долго разыскивал их потом, обзванивая своих знакомых, делая запросы через посольство, но все было тщетно – никаких следов. Лишь спустя год, Линда прислала мне, наконец, долгожданную весточку, в которой написала, что у них все хорошо, им выделили недалеко от центра Москвы отдельную двухкомнатную квартиру, что она работает в университете, и преподает в нем немецкий язык. А Маркус ходит в детский сад, ведет себя хорошо, не болеет, но все время тоскует по папе, и часто зовет его во сне. Она вложила в конверт небольшую фотографию сына, но обратного адреса не указала, и я сделал из этого вполне логический вывод, что Линда не желает, чтобы я даже писал им.

После небольшой паузы Курт достал из внутреннего кармана куртки черно – белую фотографию своего сына, взглянул на нее печальными глазами, и протянул Джейсону.

– Вот, всегда ношу ее с собой, – вымолвил он, с грустью, – ему здесь два с половиной года, и это единственное, что у меня осталось от сына после разлуки с ним. Правда, у меня есть еще фотки, где ему и год, и полтора года, я их покажу тебе потом. Линда писала мне еще дважды, но опять без обратного адреса, а после моего отъезда в США, наша связь вообще прекратилась. Маркусу должно быть уже двадцать три года, а я даже понятия не имею, где он сейчас, что с ним, чем занимается, да и вообще, как он выглядит в настоящее время. Пожалуй, это вся история о моей бывшей семье.

– Прости, Курт, я не знал, – сказал Джейсон, посмотрев на него виноватым взглядом, – это действительно грустная история. Мне очень жаль.

Он взял у него фотографию, бережно повертел ее в руках, вглядываясь в большие выразительные глаза, в маленький ровный носик и темные волосики, и улыбнулся.

– Симпатичный мальчик! А взгляд – то, какой серьезный и сосредоточенный! Представляю, какой он сейчас! Вымахал, наверное, как и его отец, – произнес он, с восхищением, продолжая, изучать милое личико маленького Маркуса, а затем вновь перевел взгляд на грустного Райнера.

– Не стоит, Джейсон, – тут же отреагировал Курт, – все это уже в прошлом. Много лет уже прошло с тех пор. Но я многое отдал бы сейчас, чтобы увидеть его, хотя бы еще один раз, или на худой конец, получить от него письмо. Хотя бы короткое!

Райнер отвернулся после этого в сторону, выдержав небольшую паузу, а потом вдруг весь передернулся, протер ладонями глаза, и вновь повернулся к своему гостю с улыбкой.

– Ну, а о твоей семье мне известно почти все, – резко сменил Курт тему, вызывавшая у него лишь боль и страдание, – и я искренне рад, что у вас дома все хорошо и ладно. У вас прекрасная, беззаветно преданная вам и вашей семье жена Кэтрин. Милые, умные и воспитанные дети – Рикки, Мэри и Роуз. И единственная проблема в семье – это ваши частые командировки по всему миру. А то, что мне больше всего понравилось в вашей семье – это то, что даже младшенькая дочь с должным пониманием относится к особенностям вашей работы, и прощает вам даже длительное отсутствие дома. Вот видите, я владею кое – какой информацией о вашей жизни! А ведь эти сведения, Джейсон, я почерпнул не из вашего досье, которое, как и у всех ваших сотрудников хранится за семью печатями. Я узнал об этом от генерала Адамса, во время его прошлого визита к нам. Это даже невозможно передать, с каким восторгом и неподдельной любовью к вам он рассказывал мне о вашей семье, о ваших достоинствах, заслугах и достижениях! Услышать из уст своего непосредственного начальника столь высокие хвалебные речи о подчиненном – это дорогого стоит, коллега!

– Да, он это может, хотя, зачастую, и перехваливает меня – поддержал разговор Джейсон, – Адамс – настоящая глыба в своем деле и настоящий преданный друг!

Они погуляли еще около часа по саду, вернулись в дом, приготовили себе чай с мятой, и уселись на диване в гостиной, также обставленной повсюду многочисленными горшками с экзотическими растениями и цветами. Оба офицера уже чувствовали себя легко и свободно, общаясь друг с другом тепло и непринужденно. Всякие возможные барьеры в их отношениях были стерты за несколько часов, и сидя за длинным невысоким столом, смело и открыто обсуж-

дали самые разные темы, которые сводились в основном к мировой политике и мечтам о свободной и беспечной жизни после отставки.

– Полагаю, Джейсон, Адамс ввел вас в курс предстоящих закрытых встреч, и наверняка уже владеете определенной информацией об этом мероприятии? – Спросил Курт, сделав вдруг серьезное лицо, и неожиданно прервав их обмен мнениями, воспоминаниями из прошлой жизни и впечатлениями от происходящих вокруг событий.

– Да, но в общих, и довольно размытых и смутных чертах, – ответил Коллинз, пожав недоуменно плечами, – хотя я, честно говоря, не до конца понял, что происходит на самом деле, к чему готовится наш беспокойный мир, и какова моя персональная роль во всем этом.

– Ну, что ж, могу объяснить тебе и твою роль в этом, – продолжил Курт, перейдя вдруг на тихий голос. – Тебе, конечно, не придется бегать самому с пушкой, прыгать в объятый пламенем дом, или, проявляя чудеса героизма, спасать тонущую в море девушку. Дело в том, что по инициативе определенных представителей спецслужб некоторых государств, о которых ты узнаешь немного позже, сравнительно недавно сформирован штаб международной тайной организации под названием «Сообщество Живых Теней». Твоя задача, как впрочем, и моя, состоит в том, чтобы возглавить свой определенный территориальный сектор, и в соответствии с установками штаба организации, от начала и до конца руководить у себя всеми политическими процессами грядущих перемен, которые непременно должны наступить в течение пяти – семи лет. При этом, без согласования с руководством штаба, никто не лезет в чужой сектор, и строго придерживается только своей зоны. На сегодня нас восемнадцать человек – представителей спецслужб своих государств, которые получают завтра все необходимые наставления и индивидуальные инструкции, и с этого момента и начнется отсчет времени до наступления часа «ИКС». Первое заседание Сообщества Живых Теней состоится в столичном детском музее Вашингтона, на бульваре Джорджа, после совещания по НАТО. Места же последующих заседаний и всех остальных встреч, будут каждый раз уточняться отдельным сообщением. Это все, что я знаю на данный момент. А обо всем остальном, ты узнаешь завтра сам, с первых уст организаторов.

– Теперь все ясно, – сказал Коллинз, громко выдохнув, и допив свой чай, который уже успел к тому времени остыть. – Спасибо тебе, Курт, за эту информацию, а то я все это время терялся в догадках. Ну, а сейчас, пожалуй, можно и отдохнуть. Чувствую, подустал немного, сказывается наверное разница в часовых поясах.

– Нет уж, друг мой Джейсон, – возразил тут же Райнер, – сначала мы снова пройдемся с тобой по саду, прогуляемся с полчаса на свежем воздухе, а затем можно и в койку, если ты, конечно, не возражаешь.

Они быстро отнесли посуду на кухню, помыли ее вместе, навели порядок в столовой и на кухне, и вновь накинув на себя куртки, вышли во двор, и направились снова в сад.

Прогулявшись с полчаса перед сном по тихому участку, друзья вернулись в дом, пожали друг другу спокойной ночи, и разошлись через минуту по своим комнатам.

Джейсон вошел в свои уютные апартаменты, посмотрел на часы, висевшие на стене над телевизором, и, увидев, что стрелки показывают уже 23.40 по местному времени, кинулся назад, вбежал в ванную, и быстро приняв контрастный душ, переоделся в пижаму, и уткнулся в большую мягкую подушку, которая отдавала нежным цветочным ароматом.

А в далеком и родном для него Лондоне было в это время 4.40 утра, и близился рассвет.

Следующим утром, проспав свои привычные шесть часов, полковник Коллинз проснулся в бодром состоянии, легко поднялся с кровати и накинув на себя, висевший в шкафу банный халат, ушел в ванную, чтобы сбрить появившуюся на щеках и подбородке щетину, и принять освежающий душ. Вернувшись в комнату, он переоделся снова в спортивный костюм, уселся в кресло, и в одиннадцать утра по лондонскому времени, стал набирать номер телефона своей жены. Кэтрин ответила уже через мгновение. С того самого часа, как Джейсон покинул дом, она практически не выпускала трубки из рук, и даже заходя в душ, или в туалет, клала его рядом, чтобы даже случайно не пропустить звонка своего милого мужа. Ее грустный вначале голос резко сменился тут же на веселый тон, зазвучал радостным визгом, и перешел затем на спокойную речь. Джейсон был невероятно счастлив услышать довольные возгласы своей любимой супруги, с которой расстался всего сутки назад, но по которой уже заметно скучал, мысленно представляя себе ее милый улыбчивый взгляд. Он подскочил с кресла, прижал телефон к уху, и ходил минут десять по комнате, беседуя с ней о последних новостях в своем городе, о погоде, и о делах у детей. Справившись в конце разговора о ее здоровье, он причмокнул в трубку, пожелав Кэтрин доброго дня и хорошего настроения, положил телефон на стол, и снова опустился в глубокое и уютное кресло. В этот момент с коридора вдруг послышался легкий топот, а следом раздался и негромкий стук за стенкой.

– Как ты там, дружище, проснулся уже? – прозвучал тихий голос Курта, который, приоткрыв слегка дверь, заглянул к нему в комнату, и махнул с улыбкой рукой.

– Да, Курт, я уже на ногах, – ответил Джейсон, бодрым тоном, – сейчас только переоденусь, и подойду к тебе через пару минут.

– Через час за нами приедет машина. Жду тебя в столовой, – сказал Курт, улыбнувшись вновь, и тихо прикрыв за собой дверь, зашагал назад по коридору.

Коллинз поднялся через минуту с кресла, переоделся в выходной костюм и галстук, расставил телефоны по карманам пиджака, и схватив свой кейс, направился в столовую.

К тому времени Райнер успел уже пожарить на двоих яичницу с беконом и помидорами, налил два стакана молока, и заварив крепкий кофе, перенес все это на огромном мельхиоровом подносе в столовую, и пригласил своего гостя на завтрак.

– Ну, как тебе спалось на новом месте, Джейсон? – спросил он, присаживаясь вслед за ним за стол, – надеюсь, хорошо выспался после длительного перелета и обилия интересных новостей за прошедший день? Я хотел позвать тебя еще час назад, но не решился, видя, что ты не реагируешь на топот моих ног.

– Спасибо тебе, Курт, – ответил Коллинз, довольным голосом, – я прекрасно спал, и ни разу, к своему удивлению, не просыпался этой ночью, что для меня совершенно не естественно. Я чувствовал себя здесь, действительно как дома.

– Вот и прекрасно, приятель, – молвил Курт, веселым голосом, расплывшись в широкой улыбке, – будем считать, что ты обжился у меня, чувствуешь себя в этом доме достаточно комфортно, и не ощущаешь себя здесь чужим человеком.

Офицеры завтракали, молча, но поглядывая время от времени на часы, а когда допили свой кофе, поднялись из-за стола, накинули на плечи пальто, и вышли из дома.

Перед калиткой их уже дожидался служебный автомобиль Курта Райнера – «Форд Эксплорер», водитель которого в ожидании своего босса, стоял, заложив руки за спину, и вытянувшись перед капотом. Увидев выходящего со двора Курта в сопровождении незнакомого ему человека, он тут же широко распахнул перед ними заднюю дверцу машины, и поздоровался с обоими офицерами за руку. Когда те уютно разместились в просторном салоне, он мягко захлопнул за ними дверцу, занял свое место за рулем, и медленно отъехал от дома полковника Райнера, взяв курс на Вашингтон.

Спустя полтора часа, они въехали в столицу, где в просторном зале одного из солидных зданий неподалеку от Белого Дома состоялась первое двухчасовое совещание официальных представителей стран – членов НАТО. Заседание оказалось скучным, и носило в основном формальный характер. Обсуждались чисто организационные вопросы, связанные с несущественными перестановками кадров в двух комитетах. После его окончания, Джейсон и Курт снова уселись в свой автомобиль, который менее чем за двадцать минут доставил их до Бульвара Джорджа, и остановился перед входом в Столичный Детский Музей. Официально, музей был закрыт в этот день на профилактику, и ни одного работника, даже на его прилегающей дворовой территории не было видно. Они вышли из автомобиля, и подошли к входной двери, где рослые охранники в строгих черных костюмах и белых рубашках преградили им путь. Офицеры достали из карманов свои пластиковые идентификационные карты, и с улыбками протянули их строгому темнокожему стражу, который, убедившись в их подлинности, сверил затем со своим списком, почтительно улыбнулся, и сделал шаг в сторону, пропуская гостей к турникету. Внутри самого здания они миновали еще два поста, и прошли дополнительную проверку, прежде, чем попали в нужное помещение. На втором посту им пришлось, сдать охране свои телефоны, часы и даже авторучки, которые имелись у них при себе. Меры предосторожности и закрытости были предприняты беспрецедентные. В небольшом зале, площадью приблизительно в триста квадратных метров в пять рядов, полукругом были расставлены небольшие столы, за которыми стояли широкие деревянные стулья с подлокотниками, а напротив рядов, за длинным столом высилась огромная белая тумба, на которой лежали несколько бумажных папок и наборы авторучек. На стене, за белой тумбой висела зашторенная черной материей доска со свисающими с двух сторон лампами для подсветки, по бокам которой стояли двое охранников. Курт и Джейсон пришли раньше всех, и окинув взглядами совершенно пустое помещение, присели в первом ряду. Минут через десять в зал вошли два человека с военной выправкой, затем еще пятеро и, спустя еще несколько минут, все двадцать два места были заняты участниками закрытой встречи будущих членов сообщества живых теней. Ровно в 9.30 утра в зале появился высокого роста худощавый человек в строгом костюме темно – серого цвета, в ярко красном галстуке, в голубой рубашке в тонкую полоску и блестящих коричневых лаковых штиблетах. На вид он был лет семидесяти, с чисто выбритым гладким лицом и еле заметным шрамом над самым виском, придающий ему достаточно бравный вид. В руке он держал небольшой кожаный кейс оранжевого цвета с двумя блестящими замочками. Человек прошагал уверенной поступью вдоль рядов, зашел, не глядя по сторонам за тумбу, которая служила одновременно и трибуной и письменным столом, и замер, уставившись на портрет Джорджа Вашингтона. Наступила такая тишина, что казалось, все сидящие в зале участники тайной встречи слышат его ровное и спокойное дыхание. Выдержав паузу, и дождавшись полной тишины в помещении, он поднял голову, и представился.

– Добрый день, господа! Меня зовут Николас Вилсон. Я адмирал военно – морского флота США – произнес он, спокойным, но строгим металлическим голосом, и, сделав минутную паузу, стал внимательно всматриваться чуть ли не в каждое лицо сидящих перед ним офицеров. Затем он сделал легкий жест рукой в сторону одного из охранников, который тут же

исчез в проеме двери, также быстро вернулся назад, держа в руках стопку бумажных папок, связанных между собой тонкими белыми шнурочками, аккуратно положил их на тумбу, и вновь занял свое место у двери.

Адмирал достал из нагрудного кармана очки, нацепил их на переносицу, и шелкнув пальцами по замочкам кейса, извлек оттуда толстый блокнот, и обратился к собравшимся:

– Уважаемые коллеги и, надеюсь, с этих пор и друзья! Я давно и очень долго ждал того момента, когда для единой и общей для всех цели смогу собрать в одном месте столько профессионалов, готовых для блага своей страны, своего народа, а также

для блага всего мира, пойти на любой риск и любые кардинальные действия. А теперь, если позволите, – сказал он, раскрыв свой блокнот, – я бы хотел познакомиться с вами лично. Одно дело, сидеть часами за столом, и изучать личное дело человека, а другое – хоть раз увидеть его настоящее лицо, и по возможности, услышать его голос. Поэтому, прошу вас, услышав свое имя, скажите просто «Да», или кивните головой. Вставать при этом не обязательно – в этом нет необходимости.

Несмотря на свой суровый и невозмутимый вид, Вилсон оказался на редкость приятным, учтивым и на удивление осведомленным человеком. Называя каждого участника по зарегистрированному у него имени, он сначала искренне благодарил его за визит, а затем с восхищением говорил о его достоинствах и заслугах, не вдаваясь в мелкие подробности закрытой информации. При этом он ни разу не повторился в своей хвалебной речи, и каждый из офицеров получил свою взвешенную дозу лестной оценки. Наконец, когда знакомство было окончено, он снял с переносицы очки, аккуратно положил их на тумбу, и пройдя медленно по рядам, встал снова за трибуну, и выразительно произнес:

– И так, друзья мои, думаю, пора начать нашу работу. Если в процессе моего выступления у вас появятся вопросы, то не стесняйтесь, и задавайте их сразу...

Он снова вышел из-за тумбы, молча, прошелся туда и обратно по среднему ряду и, встав затем лицом к залу, начал свое спокойное, и в то же время грустное выступление.

– Должен сразу же предупредить вас, дорогие мои друзья, – заявил он, голосом старца, – что встреча наша не санкционирована ни одним правительством и ни одной официальной структурой какого – либо отдельно взятого государства. Это собрание является исключительной инициативой созданного недавно штаба международного тайного объединения сотрудников спецслужб, которые направили вас сюда, и которое мы окрестили между собой «Сообщество Живых Теней». Сегодня, а также в последующих встречах, мы будем рассматривать с вами вопросы, касающиеся безопасности не только тех государств, которых вы имеете честь представлять здесь, но и всего мира в целом. Прошу вас, господа, максимально сконцентрировать свое внимание, и запомнить все, что я вам скажу – это очень важно! Поверьте, друзья мои, ситуация в нашем сегодняшнем мире, которую мы сейчас обсуждаем, гораздо серьезнее и страшнее, чем вы можете, даже предположить. А поскольку, наши официальные правители погрязли в бесконечных дрязгах и словоблудии, именно нам с вами и надлежит ею заняться.

Далее адмирал стал говорить о том, что получив самые точные и собранные по всему миру исчерпывающие аналитические данные, руководство штаба тайной организации пришло к неутешительному выводу о неизбежности грядущей катастрофы, вызванной применением оружия массового уничтожения.

– Если лидеры мировых держав не сделают правильный выбор сегодня, и не оставят этот мир в покое, – заявил он, мрачным голосом – то завтра сам мир навсегда оставит нас всех вообще без всякого выбора. Сейчас в зале у нас собрались представители спецслужб из более чем двух десятков стран самых разных политических систем и форм правления. Однако несмотря на существенные различия во многих аспектах, нас всех объединяет одна цель. Мы все хотим только одного – изменить жизнь своих государств и народов, а также всего мира к лучшему, и любыми путями, методами и средствами предотвратить стремительно надвигающуюся угрозу ядерной или бактериологической войны. Делать вид, что вокруг ничего существенного не происходит, и замалчивать и дальше эту страшную проблему нашего современного мира, равносильно самому подлому и губительному для всего человечества преступлению. Именно поэтому мы открываем друг перед другом свои карты, и называем здесь свои настоящие имена. Ни одна спецслужба не в состоянии справиться с этой проблемой в одиночку, поэтому мы сегодня делаем первые шаги к объединению и совместным действиям. К сожалению, делать это нам приходится втайне от своих официальных государственных структур. Однако смею

заверить вас, добиться поставленных перед собой целей, нам никто не сможет помешать, если мы по-настоящему сплотимся, и почувствуем плечо друг друга. Главы некоторых государств не отдают отчета своим словам и откровенно безумным поступкам, жонглируя этим смертельным оружием перед остальным миром, и запугивая им более слабые страны, их руководителей и народов. Особенно это касается тех руководителей, которые сконцентрировали всю власть в своих руках, не терпят никаких возражений в свой адрес, и не считаются ни с мнением своего народа, ни с решениями своих высших органов власти. Я американец в седьмом поколении, и также, как и вы горячо люблю свою страну и свой народ, и если потребуется, то ради ее счастливого будущего пожертвую своей собственной жизнью, даже не задумываясь. Однако и мне многое не нравится в моей стране. Я искренне считаю, что и здесь должны быть предприняты решительные шаги для изменения действующей системы. Я категорически против вмешательства своих политиков во внутренние дела других государств и экспорта так называемой демократии в страны, которые в подавляющем большинстве своем предпочитают строить свою жизнь самостоятельно, выбирая свой собственный, особенный, и только для них приемлемый путь развития. Опыт моей родины показал, что во всех странах мира, куда мы пытались, привнести свою демократию, неизбежно наступал хаос, расцветал криминал, и возникали бесконечные потоки беженцев. Идея изначально была хороша, но мы не учли менталитет этих народов, которым были откровенно чужды наши понятия, наши порядки и наш образ мышления. Я считаю, что вооруженные силы одного государства не имеют права пересекать границы другого государства, если на то не будет сначала решения соответствующего законодательного органа власти, избранного народом, а не только бездумными пожеланиями ее руководителя. Причина этого вмешательства должна быть веской и обоснованной. Более того, она в обязательном порядке должна быть поддержана Организацией Объединенных Наций, хотя ее роль в последние годы и сведена к формальностям. В отсутствие этой обязательной цепочки согласований, а также пренебрежение к нормам международного права и заключается наша ошибка и наша вина. Мы наплодили себе ярых врагов по всему миру, и думаю, что нам все это скоро аукнется. Я откровенно рассказываю вам о своем мнении и нежелании мириться с существующими порядками, даже в своей собственной стране не для того, чтобы каяться перед вами, и просить прощения. А хочу, чтобы вы поняли, что я такой же, как и вы, и страстно хочу, изменить систему в том числе и на своей родине, чего бы мне это не стоило. Вы наверняка спросите себя: почему мы должны это сделать? Ответ прост. Именно мы с вами являемся носителями всеобъемлющей, самой обширной и закрытой информации, которую можем, и должны использовать исключительно в целях сохранения мира и недопущения использования ядерного или бактериологического оружия на этой планете. Именно в наших

силах и в наших возможностях, не только предотвратить любое распространение этой страшной заразы, но и ее полного уничтожения или, как минимум, ее существенного сокращения, и абсолютного, тотального контроля над ее перемещением.

Вилсон сделал паузу, оглядел пытливым взглядом весь зал, и, подойдя к тумбе, налил себе полный стакан воды, и выпил его в три больших глотка. Затем, положив правую руку на стопку лежащих на тумбе папок, он встал лицом к слушателям, и тихо произнес:

– Здесь двадцать две папки с вашими кодовыми номерами, указанными в правом нижнем углу. В них содержатся конкретные анализы, планы предстоящих действий, методы и способы связи и необходимых контактов, а также действия при непредвиденных ситуациях. Вы забережете сейчас эти файлы, но с их содержанием будете знакомиться только в течение времени, что проведете здесь, в США, а потом вернете их лично мне. Вывозить их строго запрещаю, во избежание проблем, связанных, прежде всего, с вашей личной безопасностью и безопасностью ваших семей!

В течение последующих пяти минут каждый из участников подходил по очереди к тумбе, выбирал папку со своим личным кодовым номером, и, молча, возвращался на свое место. Когда все файлы были уже разобраны, адмирал Вилсон еще около часа рассказывал участникам закрытой встречи о возможных нюансах при осуществлении деятельности по реализации согласованных с аналитиками планов. Затем он принялся отвечать на вопросы слушателей, которых оказалось довольно много, и с удовольствием уделил этому процессу еще полчаса. Наконец, услышав тихое жужжание своего телефона, он отклонил звонок, прошелся по рядам, остановился в центре зала, и вновь обратился к собравшимся:

– Друзья, завтра мы встречаемся с вами на территории Арлингтонского кладбища, в здании мемориала генерала Ли, в 16:00. Прошу вас, не опаздывать. А сегодня, если вы позволите, мы закончим с краткой вступительной частью, и на этом расстанемся. Большая просьба к вам, никаких обсуждений этого мероприятия по телефону не должно быть, даже со своими прямыми начальниками, не говоря уже о ваших родных и близких вам людях. Вы здесь находитесь в своей обычной рабочей командировке. Что ж, желаю вам приятного отдыха в Вашингтоне. Наши сотрудники, если пожелаете, развезут вас по отелям. Удачи вам, ребята, и всех благ!

Закончив выступление, он пожал на прощание руки всем офицерам, называя каждого из них по имени, улыбнулся перед выходом, и покинул зал, сжав правую руку в кулак.

Коллинз с Райнером сложили папки в маленькие чемоданчики, прошли в коридор, и забрав у охранников свои телефоны, часы и авторучки, неспешно вышли из музея.

Домой они ехали, молча, лишь изредка бросая друг на друга задумчивые взгляды.

Проехав большую часть пути, Курт вдруг повернулся к Джейсону, и потянул его за рукав.

– Давай-ка, дружище, заедем сейчас в небольшой ресторан, который находится отсюда в трех милях, – предложил он, прервав вдруг неожиданно, затянувшееся молчание, – там такая классная франко – итальянская кухня, что пальчики оближешь. Зачем же нам сидеть дома, и обсуждать по несколько раз одни и те же тоскливые темы, тем более, что нам сегодня больше никуда уже не надо!

– А действительно, – подумал Джейсон, пожав слегка плечами – чего сидеть дома, и скучать без дела, когда можно немного развеяться, и пропустить по бокалу виски в компании

этого прекрасного и достойного человека, ставшим мне менее чем за сутки довольно близким товарищем, соратником и даже другом.

– Давай – ка, Энди, гони к нашей таверне! – скомандовал Райнер своему водителю, заметив одобрительную улыбку Джейсона, – высадишь нас там, у входа, а потом поезжай домой или по своим делам. Можешь считать себя на сегодня свободным!

Через пару миль их Форд Эксплорер свернул на ухоженную проселочную дорогу, проехал еще около мили, и остановился у небольшого, с виду невзрачного двухэтажного деревянного дома, окруженного со всех сторон высоким забором и с вывеской на воротах «Частная территория. Вход строго воспрещен!». За забором виднелись лишь высокие ветвистые листовенные деревья с большими полуобнаженными кронами и с колышущимися от ветра верхушками, а также соснами и стройными голубыми елями.

Курт ловко выпрыгнул из машины, подошел к массивной калитке, и трижды нажал на кнопку звонка, расположенного справа от таблички с надписью «У Флавио». Дверь автоматически открылась, словно приглашая гостей внутрь, после чего, он повернулся к водителю, и несмотря на его возражения, велел ему ехать домой. Как только Энди развернулся, и двинулся в обратную сторону, Курт пропустил вперед Джейсона, вошел вслед за ним во двор, и направился прямо через длинный, увешанный со всех сторон плющом и мелкими, светящимися неоновыми лампочками стеклянный коридор. Когда они миновали серое, невзрачное на первый взгляд строение, в конце коридора открылась сказочная картина. На всей довольно внушительной территории участка, огороженного со всех сторон трехметровым забором, стояли изумительные по своей архитектурной задумке и помпезности домики в виде необычных построек в форме старинных замков. К каждому из них была протянута своя отдельная дорожка, выложенная из коричневой шероховатой плитки и с невысокими резными бордюрами по бокам. Все домики, а их было двенадцать, напоминали с виду облик старинных замков Франции, Германии и Италии средневекового периода, которые сохранились в прекрасном состоянии в своих странах и до наших дней. На каждом из них была прикреплена табличка с указанием названия замка, года его постройки и страны, где он находится в оригинале. Любой из них мог спокойно вместить в себя не менее десяти человек, но обычно сюда приезжали либо влюбленные пары, либо близкие друзья, чтобы отдохнуть от суетной мирской жизни, или богатые бизнесмены, чтобы отметить очередную удачную сделку. Бывало, сюда нередко наведывались, со слов Курта, и более серьезные люди. Попасть сюда было непросто для человека с улицы. Места в этом уникальном ресторане бронировались за несколько недель, а то и месяцев, но для почетных клиентов, к которым относился и Райнер, двери его всегда были открыты. Казалось, время здесь течет в обратном направлении и с головой окунает тебя в далекие романтические времена средневековья, где цивилизацией еще не пахло. Миниатюрные замки со всех сторон окружали многометровой высоты деревья и различные цветные фигурки забавных гномов, хищных зверей, домашних животных и грибов, также имитирующих оригиналы, но в более крупных размерах.

Едва они вышли на открытую площадку как к ним выбежал навстречу невысокого роста пожилой корсиканец, с внушительным носом с горбинкой, роскошными черными усами и маленькой острой бородкой, который больше походил на пирата.

– Очень рад, видеть вас, герр Курт, – произнес он, на ломанном немецком языке, – ваш замок, как всегда свободен, и дожидается лишь своего благородного рыцаря.

Он указал рукой на один из сказочных домиков, который находился в самом отдаленном уголке этого необычного участка, и спросил, радостно улыбаясь:

– Вам, как обычно, месье Курт, или в вашем меню будут сегодня изменения?

Райнер также вежливо и на безупречном немецком ответил на теплое приветствие в свой адрес, и с улыбкой похлопал учтивого и веселого корсиканца по плечу.

– Да, конечно, дружище, как обычно, но сегодня уже на двоих, – ответил он, – я приехал к тебе со своим другом. И вот еще что, Флавио, пожалуйста, пригласи – ка к нам в замок Каролину, если можно, что – то давно я не видел ее, и скажу тебе откровенно, уже успел по – настоящему соскучиться по ней.

– Разумеется, месье Курт, сию минуту все будет исполнено, – ответил тот, пытаясь угодить своему дорогому клиенту и давнему знакомому, – а вы пока занимайте свои покои, и располагайтесь, я скоро подойду к вам со своими девочками.

Коллеги, молча, переглянулись между собой, подмигнули с улыбками друг другу, и направились неспешным шагом по дорожке в сторону симпатичного сказочного домика. Джейсон был буквально сражен внутренним интерьером маленького замка, его необычным убранством, почерневшей от старости резной мебелью и висящими на стенах огромными канделябрами с горящими свечами. Лишь огромный плоский, плазменный экран телевизора, закрепленный на стене на вытянутых металлических планках, напоминал здесь о существовании современной цивилизации.

– О, Боже, Курт! Это же именно то, чего мне по – настоящему не хватало, – воскликнул Джейсон, не отрывая восхищенного взгляда от железного рыцаря в настоящих доспехах, стоявшего слева от камина, который буквально приковал его внимание. Он осмотрелся вокруг завороженными глазами, провел рукой по острому мечу средневекового воина, и присел у декоративного окна с резной деревянной рамой и чугунной решеткой, завешанного белоснежными ажурными занавесками.

– Да, друг мой, Джейсон, это великолепное место для настоящего отдыха, – ответил Курт, с мечтательной улыбкой на лице, опустившись рядом на громоздкий стул, и также уставившись на железного рыцаря, – это единственное место, где я прячу свою грусть, окунаюсь с головой в средневековый мир, и чувствую себя по-настоящему свободным человеком. Это укромное гнездышко мало кому известно, даже в близлежащих городках и поселках, но кто побывал здесь, хотя бы один раз, обязательно возвращается сюда снова и снова, несмотря на чувствительные даже для моего кармана цены. Однако у меня здесь есть довольно существенная скидка, которой, правду говоря, я совершенно не пользуюсь. Мое жалованье пока позволяет мне платить по счетам. Разумеется, рядовой человек здесь не появляется – не по карману. Я приезжаю сюда каждую субботу после обеда, и если нет срочных дел и занятий, то остаюсь на сутки, чтобы выспаться от души, и получить истинное наслаждение.

В домике постепенно стало ощущаться тепло от включенного электрического камина, и температура в просторном помещении заметно поползла вскоре вверх.

Они, наконец, сняли с себя верхнюю одежду, повесили ее на большие металлические крюки, закрепленные на стене слева от входной двери, и вернулись снова за стол.

Прошло всего пять – семь минут, как в дверь негромко постучались, и не дожидаясь ответа, в домик вошел Флавио, в сопровождении двух миловидных стройных девушек – официанток, больше походивших своей броской внешностью на топ моделей, нежели на работниц ресторана. Они держали на руках большие деревянные подносы со всякими салатами, сливоч-

ным маслом и горячим, пышущим жаром домашним хлебом, которых поставили аккуратно на стол, учтиво поздоровались с гостями, и сделали легкий поклон.

– А вот и ваша закуска, уважаемые господа, – произнес громким голосом корсиканец, смачно вбирая в себя большим горбатым носом аромат свежее испеченного хлеба, которым тут же наполнилось все помещение, – а немного позже, когда вы хорошенько согреетесь, мои славные девочки подадут вам горячее. Приятного аппетита!

Флавио сразу же ушел, напевая себе под нос какую – то жалобную корсиканскую мелодию, а молоденькие официантки стали медленно сервировать большой дубовый стол.

Вскоре они закончили с расстановкой салатов и приборов, выставили на середину стола многочисленные специи, после чего, вновь мило улыбнулись гостям, и вышли за дверь.

Спустя еще несколько минут, в дверь снова постучались, и на пороге домика появилась вдруг стройная девушка с легким загаром на лице, которой было на вид не более двадцати пяти – двадцати семи лет. У нее были большие, чарующие, ярко – зеленые изумрудные глаза, темно – каштановые, сплетенные в длинную косу волосы. Ее приталенное голубое платье с глубоким вырезом подчеркнуто демонстрировало восхитительные формы, изящные линии и достоинства невероятно красивой и привлекательной женщины, плавные воздушные движения которой завораживали, и могли сбить с толку самого стойкого мужчину. Обута она была в короткие голубые сапожки в тон своему платью, на которых блестели вкрапленные в кожу яркие, разноцветные, ромбовидные стразы. Это была Каролина – племянница Флавио – женщина поразительной красоты, невероятной стройности, грации и гордого волевого взгляда.

– О, радость моя, Каролина! – воскликнул Курт, поднявшись тут же из за стола, и подмигнув незаметно Джейсону, – как же долго мы не виделись! Как ты сама, как поживают твои родители, как здоровье Антуана? Все ли у вас ладно дома?

Девушка приветливо улыбнулась, застенчиво посмотрела сначала на Курта, перевела затем смущенный взгляд на Джейсона, и часто заморгала своими роскошными ресницами.

– Спасибо, Курт, у меня все по-старому, – ответила она, чмокнув его в щечку, и еще раз бросив еле заметный взгляд на Джейсона, который сидел, слегка приоткрыв рот от восхищения, – летала домой, к родителям, на Корсику. Провела там пять дней, прекрасно отдохнула, насладилась любимым морем и родной теплой погодой,

и вернулась назад только вчера вечером. Правда, Флавио довольно грубо отругал меня за опоздание, поскольку, я отпрашивалась у него только на три дня.

Она вдруг прервала свой монолог, чтобы перевести дух, снова мельком взглянула на незнакомого симпатичного джентльмена, и продолжила звонким голосом.

– Послушай, Курт, ты попросил бы его, чтобы он не наседали на меня так сильно, и не ругал по пустякам, он же твой друг! – произнесла она, уже более тихим и жалобным голосом, словно, вымаливая у него покровительства, – Сделай это для меня?

– Не переживай, Каро, он больше не будет приставать к тебе. Я обязательно поговорю с ним, – ответил Курт, серьезным тоном, – считай, что мы договорились.

Не успел он договорить, как Каролина повернулась в сторону Джейсона, который продолжал жадно пожирать ее глазами, кокетливо улыбнулась ему, и сверкнув своим ярким изумрудным взглядом, обнажила красивые и ровные белоснежные зубы.

– Позвольте, представиться, – промолвила она, невероятно мелодичным голосом, продолжая все еще улыбаться, – меня зовут Каролина, хотя все друзья называют меня просто, Каро. Я ждала, пока Курт представит нас друг другу, но видимо он испугался, посчитав, что вы сразу же влюбитесь в меня, и навсегда потеряете голову, и не стал этого делать из обычной ревности.

Джейсон был сражен наповал неповторимой красотой и великолепием девушки, которая даже ввела его сначала в легкое замешательство, но быстро взял себя в руки.

– Очень приятно, мисс Каролина. Меня зовут Джейсон, – произнес он, слегка оробев от неожиданности, – искренне рад нашему знакомству! Должен заметить, что ваша восхитительная красота очарует кого угодно, и собьет с толку любого мужчину.

Он вскочил тут же со стула, подошел к ней, взял бережно за руку, и слегка наклонив голову, нежно поцеловал ее теплую мягкую, пахнущую жасмином изящную ладонь.

Курт сидел, и только довольно улыбался, глядя на эту трепетную картину смущенного знакомства. Он был рад, что ему удалось угодить своему другу, и видя, как тот увлеченно беседует с Каролиной, даже не стал прерывать эту щекочущую душу церемонию. Обменявшись любезностями с Каролиной, Джейсон выдвинул высокий стул, снова взял ее бережно за руку, и усадил между собой и Куртом. В этот момент, после легкого стука в дверь, в помещение вновь вошел Флавио со своими миловидными официантками, с нагруженными доверху подносами, от которых исходил большими клубами ароматный пар. Заметив, что на столе ничего не тронuto, а его гости лишь весело переговариваются между собой, он взглянул с укором на Каролину, и покачал недовольно головой.

– Каро, родная, ну дай же ребятам для начала, хотя бы перекусить немного, – обратился он к ней с подчеркнутой укоризной в строгом голосе, – они же сидят голодные, а ты все любезничаешь тут, и мешаешь им.

– Флавио, друг мой, – прервал его строгие нарекания в ее адрес возмущенный Курт, помня о том, что обещал Каролине вступить за нее, – пожалуйста, не трогай Каро, и не приставай к ней по пустякам. Это мы заставили ее, присесть с нами за стол, и для нас это сейчас намного приятнее, чем вся эта еда и напитки. Очень прошу тебя, отцепись от нее! А если еще раз обидишь ее по такому незначительному поводу, то я больше не заеду к тебе!

– Как скажете, дорогой Курт, – ответил корсиканец, мгновенно сменив свой недовольный взгляд в сторону Каролины на прежнюю улыбку, – но вы ее незаслуженно балуете. Она плохо слушается меня в последнее время, и совсем отбилась от рук. Тогда, извольте, месье Райнер, хотя бы самому воздействовать на нее, и дать понять, что родного и единственного дядю надо слушаться во всем, и не перечить ему по всякому поводу. А вчера она даже надерзила мне, представляете, до чего мы докатились?!

Джейсон, с ревностью поглядывавший до этой поры на Флавио, тут же успокоился, услышав, что Флавио является ее дядей, и заметно повеселел, посмотрев на него уже с улыбкой. Через несколько минут весь стол был с изыском обставлен вкусно пахнущими морскими деликатесами, от которых у всех сидящих за столом уже кружилась голова, вызывая обильную слюну. Флавио отправил своих красавиц официанток на кухню, сам откупорил бутылку, поднес пробку к носу, и радостно воскликнул: «Белиссимо!» Затем он разлил

по бокалам любимое белое вино Курта под названием «Est», которое каждый месяц доставлялось на таверну спецрейсом и ограниченной партией из Лацио, пожелал гостям приятного аппетита, и вежливо улыбнувшись им всем, тихо покинул домик.

Курт поднял свой бокал первым, жадно втянул в себя аромат прекрасного вина, и повернувшись к коллеге, который буквально впился глазами в Каро, громко произнес:

– Ты знаешь, Джейсон, что это за вино – «EST!!!» – самое забавное из официальных наименований вин в Италии? Связано оно с историей о походе Генриха V в Рим в 1111 году, посыльный которого делал отметки на дверях виноделен: «EST!!!». Восклицательные знаки означали, насколько хорошо вино этого дома, а три знака подчеркивали, что оно самого высшего класса! Здесь я позволяю себе, пить только это, одно из лучших белых вин Италии. И это, заметь, не твой «Джек Дэниелс» и не мой «Рислинг», а нечто совершенно другое, я бы сказал, даже божественное!

Он сделал маленький глоточек, задержал его на несколько секунд во рту, тщательно посмаковал, закатив от удовольствия глаза, и ласково погладил пальцами свой бокал.

– Предлагаю, ребята, выпить за надежных и верных друзей, без которых наша жизнь стала бы совершенно пустой, мрачной, не имела бы никакого смысла, и не представляла бы собой хоть какой – то ценности, – промолвил он, весело и с задором, и едва вновь поднес бокал к губам, как Каролина мягко перехватила его руку, и посмотрела на него ласковым взглядом.

– А как же любовь, – заявила она, несколько возмущенным голосом, – Разве без нее смогла бы существовать жизнь на земле и тем более дружба?!

– Пожалуй, ты права, Каро, – ответил Курт, виновато пожав плечами, – в таком случае, дорогие мои, пьем за крепкую дружбу и бесконечную любовь!

Все трое мелкими глоточками и не спеша опустошили до доньшка свои бокалы, молча, переглянувшись, и дружно принялись за аппетитные мидии и лангусты.

Посидев около часа с приятными гостями, и немного отведав с ними даров моря, Каролина провела салфеткой по своим алым пухлым губам, и встала из за стола. Она искренне поблагодарила обоих гостей за теплую компанию, вежливо извинилась перед ними за то, что вынуждена оставить их одних, и сославшись на то, что ждет в эту минуту звонка от своих родителей, направилась к выходу. Как только за ней закрылась дверь, Джейсон тут же повернулся к Райнеру, и уставился на него пронизывающим взглядом.

– Прости, Курт за столь деликатный и возможно не совсем уместный и откровенный вопрос, – произнес он, вполголоса, – но не задать его тебе я не могу. Скажи, пожалуйста, у тебя с этой женщиной есть что –нибудь такое...?

– Можешь не беспокоиться, братец, у меня есть любимая женщина, и это не Каролина, – ответил Курт, совершенно равнодушным тоном, – Я специально привез тебя сюда, чтобы ты немного расслабился, отдохнул после тяжелого дня, и познакомился с ней. Уж очень хотелось вывести тебя из состояния скуки. После загадочного убийства ее мужа, которое произошло четыре года назад, я перевез Каролину по просьбе ее родного дяди Флавио в США, и воспользовавшись своим служебным положением, легализовал здесь через нашу контору, оформив ей новые документы. А отношения у нас с ней абсолютно дружеские, я бы даже сказал, почти родственные. Так что, тебе не стоит себя сдерживать, она совершенно свободна. Да, должен предупредить тебя о том, что у нее на Корсике растет сын Антуан, которому скоро стукнет десять

лет. Она безумно любит его, и при каждом удобном случае, сразу же улетает к нему в Аяччо. А Флавио ругает ее только из-за того, что он банально боится за ее жизнь. И поверь, небезосновательно. Убийцы ее мужа не раз угрожали ей ранее расправой за то, что она отказалась назвать место, где находится тайник своего покойного супруга. Всякий раз, когда она отправляется домой, к сыну, он заметно нервничает, переживает, и начинает звонить мне чуть ли не каждый час, с настойчивой просьбой обеспечить ей надежную охрану, чтобы она не попала в лапы к бандитам. Ей тридцать два года. Она очень умна, грамотна, предельно сдержанна во всем, и при том, действительно невероятно красива, что является большой редкостью в современном мире. Ум и красота, как тебе известно, обычно несовместимы у женщин. Но Каро, должен тебе заметить, здесь редкое исключение. Надеюсь, ты собираешься с ней только дружить, и не станешь заводить серьезных отношений?

Джейсон был явно удовлетворен исчерпывающим ответом друга, и почесав с улыбкой затылок, молча, разлил вино в два бокала, и придвинул свой стул к нему поближе.

– Спасибо, Курт, что привез меня сюда, – сказал он, с благодарностью глядя ему в глаза, – впервые в своей жизни мне безумно понравилась другая женщина. Поверь, я никогда и ни с кем не заводил никаких романов на стороне, и был беззаветно предан своей любимой супруге, хотя за время службы меня повсюду окружали очень красивые женщины. Не знаю, что со мной произошло, но, как только она вошла сюда, я сначала потерял дар речи. Какая грация, походка?! А взгляд, какой?! А голос?! Ни за что не поверю, что у нее никого нет! Какой нормальный здоровый мужчина пройдет мимо такой красавицы, не пожелав, хотя бы познакомиться с ней?! О серьезных отношениях я и думать не смел бы, но от дружбы с нею не отказался бы.

Курт вновь усмехнулся, сжал некрепко его руку, и прервав восхищенные возгласы своего друга, в которых появились сомнения, недовольно покачал головой.

– Говорю же тебе, Джейсон, у нее действительно никого нет! – заявил он уверенным голосом, – Она даже не выходит из этого гнезда без сопровождения Флавио. Каро уверена, что убийцы ее мужа, даже после четырех лет после его смерти, не оставили надежды найти украденную у них сумку с большой суммой денег. Она боится, что бандиты смогут достать ее и здесь, в Америке. А прилетев домой, она обычно запирается в квартире, и даже купаться на море ходит тайком, лишь под покровом ночи, и только со своей близкой подругой, с которой были неразлучны еще с детства.

Но Джейсон не унимался. Ему хотелось, узнать о ней, как можно больше, выяснить ее предпочтения, вкусы, и интересы, и страстно желал, получить все ответы немедленно.

– Значит, ее и пригласить то никуда не получится, раз она не покидает даже этой таверны? – спросил он, в надежде на то, что Курт сам предложит способ организовать ему встречу с ней. Курт ничего не предложил, но заверил, что этот вопрос для него не из самых сложных, и обязательно найдет для этого подходящий момент.

Трапеза была в полном разгаре, когда к ним в домик вновь вернулась Каролина, которая вся сияла от радости. От частого дыхания у нее вздымалась большая и упругая грудь, которая еле умещалась в платье. Ее зеленые искрящиеся глаза, казалось, стали еще больше, еще приветливее. Ее ослепительная, невероятно чарующая красивая улыбка притягивала к себе как магнит, нещадно пронизывая Джейсона насквозь.

– Прошу простить меня, господи, что так долго отсутствовала, – заявила она с порога, игриво закатывая вверх глаза, и присаживаясь рядом с Райнером, – мне надо было, поговорить со своим сыном, но пришлось ждать, пока он не придет с улицы, и не ответит на мой звонок. Кстати, Курт, тебе большой привет от моих родителей, которые ждут тебя с нетерпением к себе в гости.

Курт довольно улыбнулся, чмокнул ее в покрывшуюся румянцем щечку и, положив свою широкую ладонь на изящные пальцы ее руки, легонько сжал их.

– Спасибо тебе, Каро, – промолвил он, погладив себя по подбородку прошу передать им при случае большой привет и от меня, – Как – нибудь выберусь на твою родину, и обязательно навещу этих прекрасных и добродушных стариков и твоего сына, я ведь действительно обещал им побывать в гостях.

Наконец, отдышавшись, и выговорившись, Каро снова пересела на свое место между мужчинами и прекрасный вечер, изобиловавший возвышенными тостами, веселыми шутками, анекдотами и теплыми дружескими беседами, продолжился с удвоенной силой.

Джейсон увлеченно ухаживал за Каро, время от времени накладывая в ее тарелку то салат, то кальмаров с мидиями, то морской капусты, и постоянно подливал ей в бокал вина. Стоило ей только сделать очередной глоток, как он тут же хватался за бутылку, и восполнял этот глоток в ее бокале. Каролине, похоже, были по душе эти ухаживания, которые вызывали у нее трепетные вздохи, тихое веселое хихиканье, и пытливые взгляды на своего видного кавалера, который, казалось, буквально утонул в ее очаровательных глазах. В знак благодарности за каждый жест его внимания к себе, она прикладывала правую руку к груди, хлопала с улыбкой роскошными раскидистыми ресницами, а потом, с каким – то детским смущением на лице, отводила взгляд в сторону, и опускала голову.

Джейсон был в восторге от такого бесценного подарка судьбы, ничего и никого вокруг не видел, и даже не заметил, как откинув назад голову, тихо и незаметно, прикрыв лицо широким полотенцем, и положив руки на колени, задремал в своем кресле Райнер. Он словно был наедине с этой прекрасной и восхитительной женщиной, которая всего лишь за пару часов успела пленить его своей чарующей внешностью и звонким колокольным голосом. Он рассказывал ей различные истории из своей богатой на приключения жизни, не касаясь при этом ни работы, ни своей семьи. Описывал страны,

в которых ему довелось побывать. Читал выдержки из понравившихся ему романов, посвященных страстной любви. А Каролина слушала его с искренним восхищением, затаив дыхание, впившись искрящимися от удовольствия изумрудными глазами в его губы, давая своему кавалеру, разогретому хмельным напитком, высказаться от души.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта сказочная идиллия, если бы не Курт, который вдруг неожиданно открыл глаза, медленно выпрямил спину, огляделся по сторонам, и уставился на них с добродушной улыбкой.

– Рад видеть вас снова здоровыми и счастливыми, друзья мои, – сказал он, потянувшись лениво в кресле, – простите, что помешал вашей беседе. Надеюсь, что я не очень беспокоил вас своим молчаливым присутствием?

Джейсон и Каро нежно переглянулись между собой, дружно улыбнулись внезапно повеселевшему Курту, и ответили почти в унисон, что даже и не заметили, как тот уснул.

Тот помахал им с улыбкой рукой, налил себе полчаши кофе, поставил рядом стакан минеральной воды, и поднял глаза на циферблат настенных часов.

– О, уже без четверти одиннадцать, – произнес он, повернувшись к своему коллеге, который продолжал безотрывно пожирать Каролину глазами, – у нас завтра дела, друг мой, и, если ты не возражаешь, будем понемногу закругляться.

Коллинз многое отдал бы сейчас, чтобы задержаться с этой очаровательной дамой, хотя бы еще на один час, но прекрасно понимал, что серьезность предстоящих дел, и необходимость предстать перед солидной аудиторией в подобающем виде, не позволят ему этого. Он лишь, молча, пожал плечами, кивнул утвердительно головой, и посмотрел на Каролину, каким – то юношеским робким взглядом, в котором таилось сожаление.

Курт допил свой остывший кофе, положил на язык какую – то крохотную желтую таблетку, запил ее минеральной водой, и глянул вновь на часы.

– Ну ладно, ребята, – сказал он, поднявшись медленно из за стола, и взяв телефон в руки, – я пройдусь немного по двору, подышу свежим воздухом, а вы, пожалуйста, попрощайтесь, пока меня нет.

Едва за ним захлопнулась дверь, как Джейсон вскочил из за стола, взял Каролину бережно за руки, и потянулся было к ее губам, но та вдруг резко одернула руки назад, оттолкнула его от себя, покачав головой, и уставилась на него строгим взглядом.

– Простите, Джейсон, но я не готова к внезапным поворотам в своей жизни, – произнесла она, тихим, дрожащим от волнения голосом, – поэтому, прошу вас, не торопитесь. Вы мне тоже очень симпатичны, но завтра вы отрезвеете, и не вспомните, даже, как меня зовут. Не хочу привыкать снова к хорошему, не зная реально, мое это или нет. Так что, не обижайтесь на меня, пожалуйста, я же буду ужасно мучиться этой ночью, и не смогу даже сомкнуть глаз. Должна признаться вам, что на протяжении четырех лет я вообще не подпускала к себе мужчин, держась от них на расстоянии. Еще раз простите, но мне очень страшно. Давайте, немного подождем.

Видя недоуменный взгляд отверженного и растерянного, но не обиженного кавалера, она потянулась к нему сама, нежно поцеловала его, оставив на правой щеке темно – бордовый след от губной помады, а потом, улыбнувшись, поцеловала его в левую щеку.

– А позвоните – ка мне завтра вечером, если у вас, конечно, появится время, и расскажите о своем самочувствии, – попросила она, нежно поцеловав его уже в подбородок, – уж очень хочется узнать, каким будет ваше настроение после такого застолья, и каково будет ваше мнение обо мне, когда выйдет весь хмель.

Она взяла с подоконника блокнот, сделала из его листочка простенькую визитку, написала на ней свое имя и номером своего телефона, и положила ее на стол перед ним.

– Спасибо тебе, Каро, за этот прекрасный и незабываемый вечер, – произнес Джейсон, с трепетом в восхищенном голосе, – ты вдохнула в меня столько энергии, вдохновения и радости, что я почувствовал себя невероятно счастливым человеком. Не уверен, что смогу и сам уснуть сегодня, так что мы с тобой в одинаковом положении.

Ему очень хотелось в этот момент впиться в нее губами, поднять бережно на руки, и прижать нежно к своей груди, вдыхая исходящий от нее божественный аромат. Но не желая торопить события, и помня ее строгий взгляд, он схватил со стола визитку, опустил ее даже не глядя

в нагрудный карман пиджака, и поцеловал ее нежную руку. Сердце полковника Коллинза забилося вдруг трепетной барабанной дробью. Внутри все заклокотало, зашумело, забегало. Душа его стала неудержимо рваться наружу.

– Ты разбудила во мне столько чувств и эмоций, что покоя мне теперь точно не видать, – сказал он, глядя с восхищением в ее очаровательные изумрудные глаза, – тебе удалось сковырнуть в моей душе то, что дремало много лет, и успело уже нарастить вокруг себя толстый непробиваемый панцирь.

Каролина продолжала молчать, сохраняя образ неприступной дамы, к которому она привыкла за четыре года, но в ее взгляде можно было разглядеть проявление нежных чувств к этому симпатичному господину, который весь вечер ни разу не отвел от нее глаз.

Заметив смущенное выражение ее лица, Джейсон взял ее за пальцы левой руки, слегка склонил голову, и нежно поцеловал их, как когда – то свою любимую Королеву. Глубоко вдыхая легкий аромат жасмина, он стоял с минуту, зажмурив глаза, и млея от удовольствия, пока в тот самый момент не вошел в домик бодрый и улыбающийся Курт.

– Ну, все, ребята, настало время прощаться, – сказал он, застегивая пиджак, и поправляя на рубашке покосившийся галстук, – а тебе, милая Каро, спасибо за теплую компанию. Надеюсь, мой друг не очень разочаровал тебя своим навязчивым поведением? Хотя, насколько мне известно, он очень деликатен, и воспитан.

Не дожидаясь ответа от слегка растерявшейся женщины, он подошел к ней, попросил сделать на своем галстуке новый узел, а затем, по – отечески обняв за плечи, поцеловал ее в розовую щечку, и погладил ласково по голове. Каро была заметно расстроена скоротечностью этой встречи, и впервые со дня смерти своего мужа, позволила себе, не задумываясь, нарушить данный когда – то обет. Она обязала себя в тот печально памятный день никогда больше не вступать в отношения с мужчиной, но встреча с Джейсоном вернула ей былые ощущения полноценной, страждущей безудержной любви и нежной ласки женщины. В ней стал просыпаться угасший некогда взрывной вулкан, бушевавших прежде пылких, знойных страстей.

– Что ж, ничего не поделаешь, надо, так надо, – сказала она, глядя то на Курта, то на Джейсона, – и мне было очень приятно посидеть с вами, господа. Надеюсь, что скоро увидимся вновь, и выпьем, хотя бы по чашечке кофе?

Она взглянула напоследок на своего статного кавалера, буквально впившись на миг своим чарующим взглядом в его сверкающие лазурным цветом глаза, и опустив голову, вышла грациозной походкой из домика, и направилась по дорожке в сторону кухни.

Чудный вечер, который впервые за долгие годы всколыхнул неприступное ранее для других женщин сердце Коллинза, подошел к концу, оставив в его душе яркий след. Друзья проводили взглядами необыкновенную женщину, молча, подмигнули друг другу, накинули на плечи пальто, и покинули со своими кейсами сказочный замок.

На улице пахло хвоей и сыростью. Стояла необыкновенная тишина. На безоблачном, чистом и темном небе сверкала огромная, похожая на подсолнух луна, окруженная со всех сторон яркими звездами, которые приветливо подмигивали им.

Перед входом их уже ожидало такси, заблаговременно заказанное Куртом, а рядом с машиной стоял Флавио, вышедший из дома, чтобы проводить своих дорогих гостей.

Они прошли по ярко освещенному стеклянному коридору, вышли на улицу, тепло попрощались с веселым и добродушным хозяином таверны, и уехали к себе.

Весь путь до родных пенатов Курта занял чуть более получаса. Сытые, довольные и радостные, но заметно подуставшие от наполненного незабываемыми эмоциями и впечатлениями удачно сложившегося дня, они с порога пожелали друг другу доброй и спокойной ночи, и пребывая в приподнятом настроении, разошлись по своим спальням.

Джейсон долго ворочался в постели, не в силах освободиться от навязчивых мыслей о милой и восхитительной Каролине, которая по-настоящему запала ему в душу, и невзирая на давящую усталость, заснул лишь под утро, когда за окном уже стало светать.

Несмотря на проведенный за городом насыщенный вечер и обилие выпитого вина, офицеры проснулись почти одновременно, и выглядели довольно бодрыми и свежими. Они не спеша приняли по очереди душ, позавтракали яичницей с ветчиной и сыром, выпили по чашке сладкого кофе с молоком, и вышли в сад на прогулку.

Солнце уже выглянуло из – за далеких холмов. Утренняя трава, покрытая инеем, искрилась яркими бликами. Полуголые деревья, словно здороваясь с ними, шуршали на легком ветру все еще не опавшей листвой, и перешептывались между собой. То тут, то там раздавалось звонкое пение ранних птиц, притаившихся в лапнике высокой сосны и на натянутых в два ряда между столбами электрических проводах. Настроение у друзей было превосходное. Беседуя вполголоса о прошедшем дне, и делясь впечатлениями от сказочного вечера, они медленно прохаживались по ухоженному саду, вдыхая свежесть прохладного зимнего утра, а затем, опустившись на лавочку, рядом с большой голубой елью, усадились на светлеющий с каждой минутой горизонт.

– Ну, как самочувствие, Джейсон? – спросил Курт, похлопывая его по плечу, – не полным оказался наш праздник вчера, к сожалению. Но ничего не поделаешь, ведь у нас с тобой еще есть обязательства, от которых никуда не деться. Не переживай, мы выкроим, как –нибудь пару часов, и проведем до твоего отъезда еще один, такой же бесподобный вечер, на котором будет непременно присутствовать и Каролина.

– Спасибо тебе, Курт! Вечер был просто восхитителен вчера, – ответил он, мечтательным голосом, – Честно говоря, я давно не чувствовал себя так хорошо, и должен тебе сказать, что эта прелестная дама прочно засела в моем сердце. Я обожаю свою жену, своих детей, но вчера, встретив Каро, я к своему стыду впервые забыл о родной семье, и ни разу не вспомнил о ней за весь вечер. Я долго не мог уснуть этой ночью, хоть и чувствовал себя довольно утомленным, а сегодня, едва проснувшись, стал ощущать двойственные чувства, которые не дают мне покоя до сих пор. И, что самое поразительное, у меня нет никакого угрызения совести перед своей супругой. Ты не поверишь, но все, что происходит сейчас в моей душе, кажется мне таким естественным, что я даже несколько не удивляюсь этому необычному для себя состоянию.

– Да, сочувствую тебе, приятель, – сказал Курт, с какой – то грустью в голосе, – мне это хорошо знакомо. После расставания с женой я более двух лет не мог, даже заговорить с другой женщиной. Нет, надо признать, что прежней любви к ней у меня уже не было, скорее, это была привычка, от которой тяжело было избавиться, и мне ужасно не хватало ее, чтобы просто перекинуться, хотя бы парой слов. Но затем я встретил свою восхитительную Ингрид, и все вокруг вдруг резко изменилось. О, если бы ты видел ее! Это настоящая богиня! Она исландка. Еще в юном возрасте переехала с родителями в США. Закончила с отличием университет в штате

Нью Джерси, и получила специальность микробиолога. В тот же год была принята на работу в лабораторию своего университета, где около шести лет занималась практическими опытами над какими – то мелкими грызунами. Она вела обычный образ жизни, увлекалась театром и волейболом, встречалась с парнями, но до серьезных отношений с ними дело так и не доходило. Ингрид предпочитала сильных, уверенных в себе самостоятельных мужчин, способных на поступки, а ей постоянно попадались то маменькины сынки, то спесивцы, или еще, какие – то неадекватные самцы. Если ей и встречался человек, подпадающий под ее стандарты, то он непременно оказывался связанным узами брака, либо открытым геем. Я познакомился с ней в Алабаме, будучи в командировке, рядом с отелем, где остановился накануне днем.

Как – то в конце лета, поздно вечером, после встречи с нашим сотрудником, я вернулся в отель, и поднялся к себе в номер. Принял ванну, перечитал пару газет, которых приобрел в киоске по пути назад, и собрался было, уже лечь в постель, но почувствовав сильнейшее чувство голода, оделся снова, и спустился в фойе. В надежде найти поблизости либо ресторан, или какой – нибудь продуктовый магазин, я обошел пешком прилегающие к отелю улицы. Но ничего не нашел, кроме ночных баров, где продавались лишь алкоголь и чипсы, и тогда я решил вернуться назад, и потерпеть до утра. Метров за пятьдесят до своего отеля я заметил группу высоких молодых девушек атлетического сложения, которые стояли у входа, и шумно обсуждали между собой какое – то событие. Как оказалось, это были волейболистки из университета Нью Джерси, приехавшие на полуфинальную игру с командой из Алабамы. Я подошел к ним, и как – то робко спросил:

– Девчонки, миленькие, не подскажете, где здесь можно поесть?

А они все дружно захихикали, стали переглядываться друг с дружкой, а потом, молча, пожали плечами. Но одна из них вдруг повернулась ко мне лицом и говорит:

– Вообще – то, сейчас уже довольно поздно, сэр, и вряд ли вы найдете здесь, что – нибудь подходящее, разве что какие – то ночные бары.

Затем, будто сжалившись, она пристально посмотрела на меня, и спросила:

– А вы действительно голодны, или ищете повод познакомиться с нами?

Я ответил, что реально голоден, и никаких поводов для знакомства ни с кем не ищу и, если она подскажет, где я могу снять эту проблему, то буду ей безмерно благодарен.

– Ну, тогда идите со мной, – скомандовала она, тонким ангельским голоском, и махнув рукой в сторону своих подруг, предупредила их, что вернется через пару минут, и повела меня к себе. Мы поднялись на лифте на восьмой этаж, и зашли в двухместный номер, который был отведен для нее с подругой – капитаном команды. Она открыла свою большую спортивную сумку, что стояла у ее кровати, и стала доставать из нее всевозможные напитки и соки в бумажных бутылочках, и продуктовые деликатесы в герметичных упаковках. Чего там только не было! – Колбаса, сыры, салаты, шоколад, финики, изюм и еще много чего...! От этого продуктового изобилия у меня закружилась внезапно голова, и в глазах появились искорки. Однако меня охватила в этот момент какая – то робость, что я даже попятился было назад от смущения.

– Прошу вас, мистер, берите, не стесняйтесь, пожалуйста, – сказала она, все тем же ангельским голоском, заметив мою явную нерешительность. А потом, не дождавшись моей

реакции на свое настойчивое предложение, взяла в руки большой бумажный пакет, и стала сама складывать в него весь этот богатый съестной набор.

– Вы не переживайте, мистер нам каждый день обновляют продуктовые запасы, а на сегодня мы уже достаточно сыты, и ущерба нам от этого никакого не будет, – заверила она меня, и буквально всучив мне этот пакет, вежливо улыбнулась, и проводила до двери. Я был тронут отношением этой девушки к себе, и ее неумолимым желанием помочь своему ближнему. Я искренне поблагодарил ее за доброту и великодушие, прижал этот большой бумажный пакет к своей груди, и спустился к себе в номер на пятый этаж. Мне было откровенно неловко получить такой подарок от девушки, но чувство голода, терзавшее меня на протяжении всего дня, взяло верх, и я наелся той ночью до отвала. Следующий день у меня был свободным, вплоть до самого вечера, и я позволил себе поспать до десяти утра, хотя, не зазвони в тот час мой телефон, то наверняка, продолжал бы спать и дальше. Я ответил на звонок шефа, а потом, тщательно побрившись, принял горячую ванну, неторопливо оделся в джинсовый костюм, и спустился в ресторан отеля, чтобы выпить чашку кофе, а затем прогуляться по тихому уютному городу. Благо, времени на отдых в тот день у меня было предостаточно. Я вошел в зал ресторана, и увидел свою вчерашнюю спасительницу, которая сидела за столом, и аппетитно завтракала со своими подругами. И только сейчас я как следует разглядел ее. Она была невероятно красива и стройна, с коротко стриженными белыми волосами, перламутровыми, словно виноградинки, глазами небесного цвета, со слегка вздернутым вверх маленьким носиком и ямочками на розовых щеках. А фигура, какая! Высеченная статуя! В общем, после долгого одиночества я вдруг почувствовал, что это та самая, единственная, которая по-настоящему зацепила мое сердце, истосковавшееся по женскому теплу и ласкам. Я подошел к ней, представился, вновь искренне поблагодарил за вчерашнее спасение голодающего, и в знак благодарности пригласил ее в ресторан. Она сначала замешкалась, призадумалась на несколько секунд, оценивающе оглядела меня с головы до ног, и как бы нехотя дала свое согласие. Но тут же с улыбкой на милом лице предупредила, что освободится в этот день только в восемь вечера. Я был безмерно счастлив. Пожелал ей и ее подругам приятного аппетита, вышел из отеля, и отправился на прогулку по городу. Весь день я просто горел желанием поскорее увидеться с ней, частенько поглядывал на часы, и очень жаждал, чтобы время ускорилось. Вечером, ровно в восемь, закончив к тому времени все свои дела, мы встретились с ней в фойе отеля, и я повез ее в один из лучших ресторанов города. Она была просто чудо. Я не мог налюбоваться ею. Ингрид была одета в тот вечер в красное платье с широким белым воротом и такого же цвета поясом вокруг тонкой талии. На ней были белоснежные туфли на низком каблучке и с мягкой подошвой, и когда она шла рядом со мной, то казалось, что совсем не слышно ее шагов. Она была выше меня на пять – шесть сантиметров, поэтому и предпочла обувь, которая почти уравнивала наш рост. Мы лакомились в тот вечер лобстерами и мидиями, пили по маленькому глоточку белое полусладкое французское вино, наслаждались живой фортепианной музыкой, и увлеченно беседовали, перебирая различные истории из своей жизни. Нам было хорошо и весело вдвоем, и симпатии наши, к счастью, оказались взаимными. После ужина, мы еще долго бродили по улицам города, совершенно не обращая внимания на время, и получили истинное, непередаваемое удовольствие друг от друга. Я был безумно влюблен в это неотразимое божественное создание, которое так внезапно, и так кстати ворвалось в мою одинокую жизнь, что я совершенно утратил в тот вечер ощущение реальности.

Он вдруг прервал свой душевный романтический рассказ, посмотрел на задумавшегося и тоскливого Джейсона виноватым взглядом, и по – дружески похлопал его по плечу.

– Прости, что так надолго занял твое внимание, – произнес он, тихим голосом, – но так хотелось отвлечь тебя от грустных мыслей, что решил поведать тебе счастливую историю своей любви, и похоже, что немного увлекся.

Но мысли влюбленного Джейсона были только о великолепной Каролине. Он слушал Курта без эмоций, даже не моргая, и сидя рядом с ним на лавочке, лишь безучастно кивал головой, а огромное сердце и нежные чувства его были совершенно в другом месте.

– Все в норме, Курт, – ответил он, не задумываясь, – просто вспомнил, что нам еще предстоит сегодня ехать по делам, а так не хочется, такая вдруг лень напала.

– Ладно, воздыхатель, успокойся, и не терзай впустую свою душу, – произнес Курт, с улыбкой, – пошли в дом, выпьем с тобой по чашке крепкого кофе, взбодримся, и посмотрим по телевизору последние новости. У нас с тобой еще целый час до выезда. После своих официальных мероприятий определимся, чем заняться вечером.

За столом он показал своему другу несколько фотографий, где голеньким, улыбающимся и в разных позах был запечатлен его родной и единственный сын Маркус.

– Вот он, сыночек мой любимый, – промолвил он, тяжело и с грустью в совершенно притихшем голосе, протянув ему снимки, – правда, славный мальчишка?

Джейсон бережно взял в руки слегка пожелтевшие от времени, и изрядно потрепанные от частых касаний черно – белые фотографии, и стал внимательно разглядывать их.

– А что это за странное, большое темное пятно на его спине? – спросил он, вдруг, оставив свой пристальный взгляд на одной из них, и указав на него пальцем.

– Не обращай внимания. Ерунда! Это у него родимое пятно такое, почти по середине позвоночника, ближе к правой лопатке. Оно такое большое, что мы с Линдой вначале очень испугались, когда увидели его. Но наши опытные врачи заверили, что оно абсолютно безвредно для здоровья мальчика, и мы сразу же успокоились, – ответил Курт, и внезапно повеселев, аккуратно сложил фотографии, и убрал их снова в ящик стола.

В назначенное время к воротам дома полковника Райнера подъехал автомобиль все с тем же водителем за рулем, что возил их накануне. Услышав снаружи шум мотора, друзья схватили свои кейсы, вышли вместе из дома, и заперев на ключ двери, сели в машину, и уехали в Вашингтон, на очередное совещание комиссии НАТО.

Во второй день заседания обсуждалась проблема несвоевременных платежей новых стран – участниц североатлантического альянса и пути решения сложившейся проблемы. Вся работа комиссии продлилась около трех часов с двумя перерывами на кофе, хотя и на этот раз ничего нового не было озвучено. После ее окончания молодой офицер Пентагона объявил делегатам о времени проведения следующего совещания, сухо пожелал всем доброго и успешного дня, и покинул строевым шагом переполненный зал.

Курту и Джейсону предстояло теперь добираться до места проведения второй закрытой встречи будущих членов тайного сообщества живых теней. Они быстро расписались во всех протокольных документах, убрали выданные им копии бумаг в свои кейсы, отметились в журнале посещений, и одними из первых покинули зал заседаний. Перед выходом из здания офи-

перы сняли с себя бэйджики и идентификационные карты, забрали свою верхнюю одежду, и направились ускоренным шагом к парковке, где за рулем служебного автомобиля Райнера их терпеливо дожидался водитель – капрал, Энди Смит.

Едва машина вырулила из места стоянки, и отъехала на пару сотен метров, как вдруг раздался пронзительный звонок телефона Курта, которого тот держал все еще в руке.

– Слушаю вас, господин генерал, – произнес он, отрывистым голосом, и попросив водителя остановиться у обочины, вышел из автомобиля, и отошел в сторонку. Он говорил ровно минуту, и закончив разговор, обратился через окошко к Джейсону:

– Это звонил мой шеф, – сказал он, полушепотом, – нам поменяли адрес новой встречи. Теперь мы все будем встречаться по отдельности. Нас разделили на группы по три – четыре человека, и мы с тобой сейчас поедem в аэропорт Далласа, а оттуда в Гринсборо, штат Северная Каролина. В аэропорту к нам присоединятся еще два человека, которые вошли в нашу группу, а дальше, полетим вместе на частном самолете.

Джейсон лишь улыбнулся в ответ, кивнул утвердительно головой, и глубоко вздохнул.

– Меняем направление, Энди! Быстро разворачивайся, и двигай прямо в аэропорт, у тебя ровно один час! – скомандовал Курт водителю, громким голосом и опустившись снова на заднее сиденье рядом с Джейсоном, резко захлопнул дверцу.

Когда добрались через час до аэропорта, они отправили Энди назад, и двинулись к справочному бюро, где должны были встретиться с другой половиной своей вновь сформированной группы. Ждать будущих соратников и компаньонов пришлось недолго. Спустя всего пару минут, к ним подошли двое незнакомых людей с военной выправкой, в сопровождении офицера Пентагона Билла Стентона, которого Курт хорошо знал еще по аналитическому центру. Офицер вытянулся перед Райнером в струнку, отдал честь, и вежливо поздоровавшись с обоими за руку, представил им их новых коллег и партнеров. Это были полковник ФСБ России, с трудно произносимой для англо говорящего человека фамилией Воскобойников, но более привычным и приятным на слух именем Алексей, и майор госбезопасности республики Беларусь, Виктор Горобец. После того, как все познакомились, и пожали друг другу руки, офицер Стентон попросил их следовать за ним, и пошел впереди группы. Не предъявляя никаких документов, и нигде не регистрируясь, они беспрепятственно миновали все посты и кабинки для паспортного контроля, спустились по лестнице вниз, и вышли через аварийный выход к стоящему неподалеку небольшому самолету Сессна. Стентон подвел группу к самому трапу, вежливо пожелал им приятного полета, и сделав два шага назад, вытянулся вновь в струнку, и отдал честь. Он держал руку у виска до тех пор, пока за таинственными пассажирами Сесны не закрылся люк, и только после этого опустил ее, и уверенно зашагал в обратную сторону.

Легкий самолет сразу же вырулил на взлетную полосу, пробежал не более двухсот метров по взлетной полосе, и плавно оторвавшись от земли, стал стремительно набирать высоту.

Полет прошел при полном и гнетущем молчании всех членов новой группы, и за все время, что они провели в тесном салоне, ни один из них так и не проронил ни единого слова. Каждый из офицеров думал о своем, и старался, не смотреть на своего соседа. Спустя два часа комфортного, но скучного и удручающего полета, Сессна совершил мягкую посадку на незнакомом, даже для всезнающего Курта маленьком аэродроме, с одной единственной полосой для взлета и посадки, в какой – то неизвестной местности. Внизу их уже ждали. Выйдя из салона

самолета, они пересели в микроавтобус «Форд» темно – зеленого цвета, и в сопровождении грозного военного Хаммера покинули

аэродром. Путь до места назначения занял чуть более пятнадцати минут, после чего они въехали в небольшой поселок рядом с лесным массивом на холмистой местности, и остановились напротив серого, мрачного трехэтажного бетонного строения. Дверь микроавтобуса отворилась, и показавшийся в проеме человек в военной форме без знаков отличия, поздоровался с ними зычным голосом, и вежливо попросил их следовать за ним.

Группа безропотно подчинилась, вошла вслед за ним в дом, поднялась на второй этаж, и очутилась в большом просторном и уютном кабинете с двумя большими сейфами,

столами и креслами, расставленными полукругом, и большим американским флагом под портретом президента США. Сопровождавший гостей офицер, предложил им занять удобные для себя места, и вышел из кабинета. В тот же момент дверь кабинета снова отворилась, и в помещение вошел немолодой уже человек, возраст которого трудно было определить сразу. Офицер был в военной форме цвета хаки, но также без знаков отличия. Он представился генералом Брайаном, пожал всем руки, и сел за стол напротив.

– Я надеюсь, господа, что вы неплохо себя чувствуете после полета? – спросил он, громким голосом, окинув суровым взглядом всех четверых.

– Благодарю вас, сэр, полет прошел просто превосходно, – ответили члены группы чуть ли не в унисон, будто сговорившись между собой.

– Приятно слышать, – сказал Брайан, не меняя тона разговора, в котором, казалось, сквозило вначале некоторым недоверием к своим гостям, – Что ж, господа, давайте знакомиться, раз пожаловали ко мне.

Он оттянул плечи назад, выпрямил спину, оглядел всех четверых, пристально всматриваясь в глаза каждого, и задержал свой взгляд на русском полковнике.

Тот встал, выпрямил спину, вытянул руки по швам, и громко представился:

– Полковник, Алексей Воскобойников. ФСБ, Россия, сэр.

– Очень приятно, коллега, – ответил Брайан, кивнув ему головой, и сделав отметку в своей папке, посмотрел на его соседа.

– Майор, Виктор Горобец, сэр. КГБ, Республика Беларусь, – также, поднявшись резко из-за стола, и по-военному четко отрапортовал бравый белорус.

– Рад знакомству с вами, майор, – ответил Брайан, и сделав в папке очередную запись, повернул голову в сторону Джейсона.

– Полковник, Джейсон Коллинз, секретная служба Ее Величества. Великобритания, господин генерал, – представился он, и стараясь не уступать русскому и белорусскому коллегам в бравой выправке, вытянулся во весь рост.

– Рад видеть вас в гостях, полковник, хотя, какой же вы гость, вы всегда здесь, как у себя дома, – произнес генерал, с удовлетворением, и перевел взгляд на Курта.

– А вас мне не надо представлять, полковник, Курт Райнер, слишком хорошо и довольно давно вас знаю, хотя мы с вами ни разу и не встречались, – добавил он, – и тем не менее, добро пожаловать в святая святых моего царства, господин полковник!

После знакомства с гостями, Брайан сделал какие – то записи в своем толстом журнале, стал вводить их данные в компьютер, но тут же вдруг резко одернул руку от клавиатуры, стукнул себя по лбу, и с досадой покачав головой, весело усмехнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.